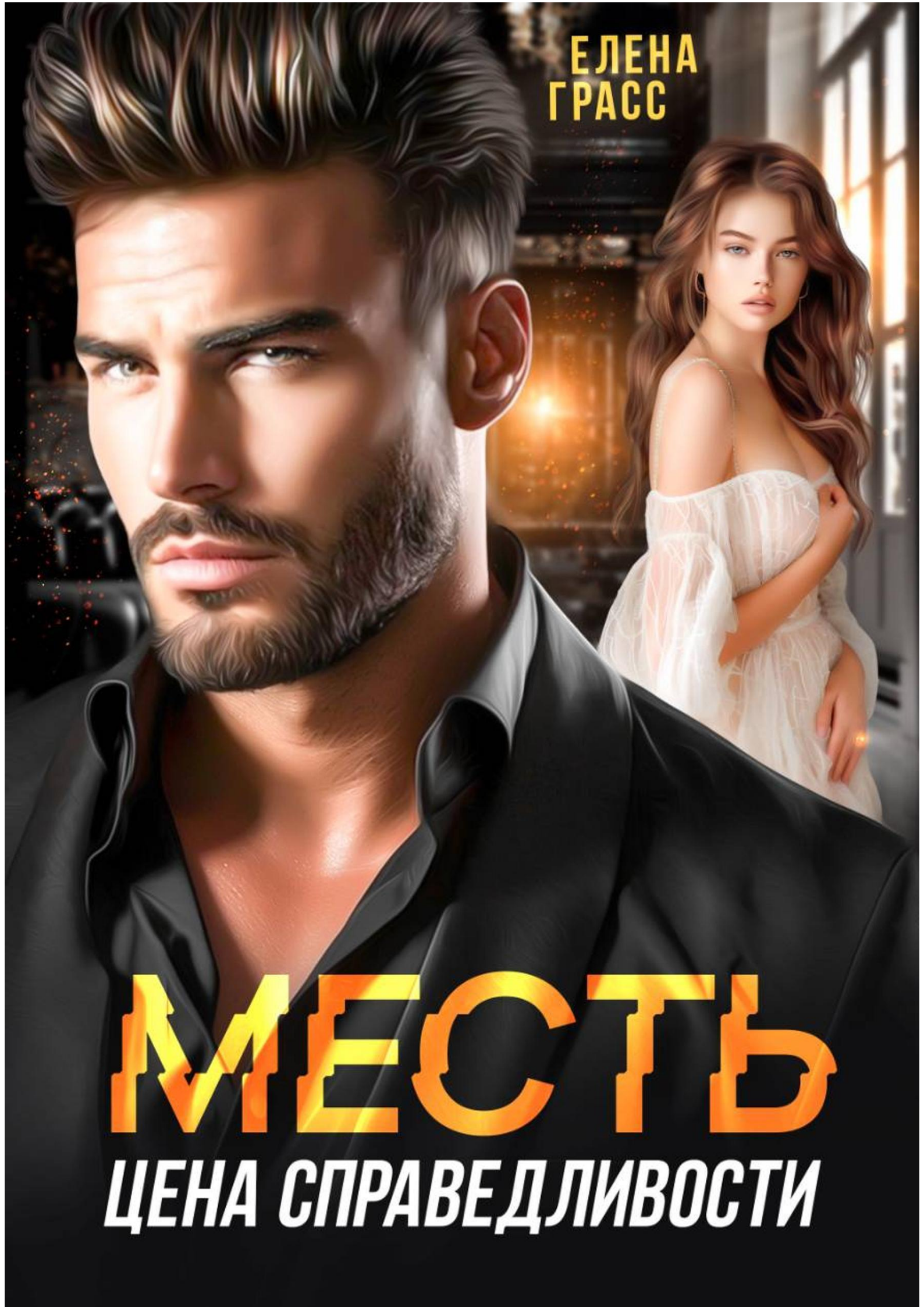

A movie poster featuring a close-up of a man with a beard and intense gaze in the foreground, and a woman in a white dress in the background. The title 'МЕСТЬ' is in large orange letters, and 'ЦЕНА СПРАВЕДЛИВОСТИ' is in white letters below it. The author's name 'ЕЛЕНА ГРАСС' is in the top right.

ЕЛЕНА
ГРАСС

МЕСТЬ

ЦЕНА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Елена Грасс

Месть - цена справедливости

«Автор»

2026

Грасс Е.

Месть - цена справедливости / Е. Грасс — «Автор», 2026

Я полюбила его с первого взгляда. В нём было всё, что я искала в мужчине: уверенность, надёжность, ответственность. Рядом с ним мне казалось, что я, наконец, смогу забыть о своих тревогах и оставить прошлые проблемы позади. Я открыла ему душу и безоговорочно доверила своё сердце. Но теперь понимаю: идеальная история любви была всего лишь красивой иллюзией, а наши отношения — тщательно разыгранным спектаклем. Я никогда не смогу его простить. Но и забыть тоже не смогу. Ведь последствия его лжи теперь живут во мне. Совсем скоро на свет появится ребёнок, который навсегда свяжет нас, и теперь мы никогда не станем чужими друг другу.

© Грасс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	49
Глава 12	51
Глава 13	53
Глава 14	56
Глава 15	60
Глава 16	63
Глава 17	65
Глава 18	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Месть - цена справедливости

Пролог

Я замер посреди гостиной и не знаю, что делать.

В моей голове куча разных мыслей, но ни одна из них не складывается в понятный план.

А мне хочешь — не хочешь, нужно принимать решение.

Смотрю в сторону, где сидят родители. Мама рыдает, а отец впервые настолько растерян, что сидит, молчит и смотрит в одну точку.

— Всё будет нормально, — говорит мама вслух, но, кажется, сама в это не верит.

Матвей опять начинает плакать.

Сначала хнычет тихо, но следом заходится громким, надрывным криком.

Этот звук заполняет всю комнату, проникает под кожу и заставляет вздрагивать.

Я чувствую раздражение, почти злость, и тут же одёргиваю себя.

Я не имею право на раздражение. Он ведь совсем маленький. Он не понимает, что происходит.

Ему страшно, и он, вероятно, чувствует чужую тревогу.

— Успокойся, маленький, — мама пытается убаюкать его, но ребёнок словно назло кричит только сильнее.

Стараюсь отстраниться от этого звука и сосредоточиться на самом важном: на моей сестре и её ситуации.

— Куда вы её везёте? В какую больницу? — спрашиваю я фельдшера.

Он поднимает на меня взгляд. Несколько секунд молчит, будто подбирает слова.

— Вероятнее всего, в психиатрическое отделение, — ответ звучит для меня как удар.

— Доктор, прошу вас, не надо! Только не к буйным! Почему именно психиатрия? — мама, услышав слова медика, кладёт Матвея в кроватку и цепляется за его рукав.

— Мам, успокойся, — разжимаю её пальцы, не позволяя лезть к мужчине. — Врачи лучше знают, куда Настю нужно отвезти.

— Но ты не понимаешь! — шепчет она. — Это же... Это же... — Она не может договорить. В её лице столько страха, что у меня перехватывает дыхание.

— Я поеду вместе с ней, не волнуйся, — беру её руки в свои и пытаюсь поймать взгляд. — Посмотри на меня!

Но мама будто не слышит. Она снова и снова просит фельдшера отвезти дочь куда угодно, лишь бы не туда, куда он заявил.

Наверное, не стоило говорить людям такого возраста о подобной больнице. Но исправить я уже ничего не могу.

— Женщина, не переживайте, — замечая состояние моей матери, фельдшер старается разговаривать с ней как можно мягче. — Ваша дочь будет в другом отделении.

— Не там, где буйные? — тут же уточняет она.

— Нет! Ни в коем случае. У неё нервный срыв, ей нужна помощь и лечение. Её отвезут в отделение невротиков и обязательно покажут специалистам.

Мама отступает в сторону и кивает. Она доверяет словам доктора, и сейчас мне этот достаточно.

Я не могу уехать вместе со скорой, если она сама не успокоится.

— Ну, ты слышала? Всё будет нормально.

— Максим... Не надо было вызывать скорую, — со странным упрёком говорит мне мама. Она снова смотрит, как мужчина оформляет документы, и чувствует, злится на меня.

— Мам, успокойся. У нас не оставалось другого выхода. Настя хотела отдать ребёнка в детский дом. Ты разве не видишь, что с ней происходит? У неё была настоящая истерика. Сегодня она предложила незнакомой женщине забрать малыша, а завтра может оставить его одного на улице. Ей необходима помощь! Неужели ты не понимаешь этого? Она сейчас не контролирует себя. А мы не можем ходить за ней по пятам!

— Кто из вас поедет с нами? — прерывает наш разговор фельдшер.

— Я, — отвечаю ему и торопливо начинаю собираться.

Выходя из подъезда, вижу, что вокруг собралась толпа зевак.

Здесь и наши соседи, и мимо проходящие люди.

Я хочу гаркнуть на них о том, что их любопытство неуместно, но сдерживаюсь, не позволяя себе такой слабости.

— Не могу поверить, что всё это происходит с нами, — закрываю усталое глаза и зачем-то говорю это вслух.

Мне кажется, что меня никто не слышит, но каким-то случайным образом фельдшер оказывается рядом.

Он ведёт Настю под руку, и она не сопротивляется.

Мне кажется, ей вообще всё равно на то, что происходит вокруг.

— Молодой человек, я так понимаю, это ваша сестра? — обращается ко мне, посадив Настю в машину.

— Да. Это моя младшая сестра.

— Что вызвало такой... стресс?

— Она родила, и всё пошло наперекосяк. Она совсем не реагирует на своего ребёнка. А если реагирует, то только с целью избавиться от него. Скажите, разве такое бывает? У вас же, наверняка, большая практика и встречали вы такие случаи?

— Конечно, бывает, и, конечно, встречал. Её поведение очень похоже на послеродовую депрессию. Она одна заботится о нём?

— В каком смысле? — не понимаю вопроса. — Мы у неё есть.

— А отец ребёнка? Он есть? Вы — не главные люди в её жизни.

— А, это... Отца нет.

— Я так и думал. Похоже, причина её состояния не в ребёнке, а в несчастной любви. Чего только не приходится видеть, — тяжело вздыхает он, пытаясь меня поддержать. — Точно сказать пока нельзя, но, судя по всему, у неё депрессия. Хорошие специалисты обязательно помогут. Только и вам всей семьёй придётся её поддерживать. Ваша девочка ещё совсем молодая, психика у неё неокрепшая. Она ведь домашняя, верно? Вы понимаете, о чём я?

— Да, понимаю, — отвечаю я, хотя внутри всё кипит.

Он прав. И от этого ещё больнее. Я знаю, кто виноват в её состоянии.

Больше всего мне хочется найти этого человека и заставить ответить за то, что он сделал.

Поворачиваю лицо к сестре и в очередной раз, вглядываясь в её лицо, не узнаю её. Ещё недавно она была весёлой, живой девчонкой, а теперь сидит безучастная, словно статуя.

На её лице нет ни эмоций, ни желания что-либо замечать вокруг.

— Езжайте за нами следом, — командует фельдшер.

К больнице я приезжаю раньше скорой и жду, когда привезут сестру.

От нечего делать бросаю взгляд в зеркало заднего вида и пугаюсь собственного отражения.

Я давно не брился и даже не заметил, как отросла борода. С ней в свои тридцать я выгляжу гораздо старше.

Проходит около получаса, прежде чем к приёмному отделению подъезжает машина скорой помощи.

Всё это время я не нахожу себе места: то подхожу к окну, то снова возвращаюсь к двери, вслушиваясь в каждый звук с улицы.

Когда Настю, наконец, привозят, я бросаюсь к ней.

Она лежит неподвижно, бледная, с пустым, отстранённым взглядом. Будто всё происходящее её совершенно не касается.

Дежурный врач быстро оформляет её в отделение, задаёт несколько вопросов и просматривает документы. Потом, заметив, что я всё ещё стою рядом, устало, но спокойно произносит:

— Вам лучше поехать домой. Сейчас ей нужен покой. Мы сами обо всём позаботимся.

Я соглашаюсь, но уйти никак не могу.

Одна мысль, что сестра останется здесь без меня, среди чужих людей и холодных больничных стен, вызывает внутри настоящий ужас.

— Максим, зачем вы вызвали врачей? — наконец-то сестра подаёт голос. — Мне не нужен этот ребёнок. И помощь мне не нужна.

Я тут же наклоняюсь к ней.

— Настюш, если бы мы не вызвали скорую, было бы куда хуже.

— Чем? — поднимает на меня непонимающий взгляд.

— Ты хотела отдать своего ребёнка другой женщине, — тихо напоминаю ей, почему мы здесь.

— Ну и что? — продолжает она ровным, безжизненным голосом. — Это мой ребёнок. Что хочу, то с ним и делаю.

От её слов у меня всё сжимается внутри. Я так и не привык, что она настолько наплева- тельски относится к Матвею.

— Ты не права, — говорю как можно мягче и осторожно глажу её по голове. — Он твой сын, он тебя любит и нуждается в тебе. Ты его мама.

— У него может быть другая мама. Та, что будет его любить, — снова не соглашается со мной Настя.

— Всё наладится, вот увидишь, — пытаюсь перевести разговор в другое русло.

— Не нужно заговаривать мне зубы. Ты просто не можешь принять того, что этот ребёнок мне не нужен! — Вдруг резко перебивает она меня. Голос Насти становится громче, в нём появляются тревога и раздражение. — Сдайте в детский дом!

Настя вдруг начинает оглядываться по сторонам, а потом вдруг хватает меня за лацканы пиджака.

— Ты думаешь, я сумасшедшая? Но я не сумасшедшая! — чувствую, как истерика в её голосе набирает обороты. — Послушай запись. Дома на моём столе лежит телефон. Там всё записано.

— Хорошо, хорошо. Только не волнуйся, — я не понимаю, о какой записи идёт речь, но она дала мне ориентир, и мне этого достаточно.

— Максим Ильич, вам лучше ехать, — теперь уже настаивает врач. — Поверьте мне, ваше присутствие только раздражает её нервную систему.

— Вы можете обещать мне, что с ней всё будет в порядке? — зачем-то требую нелепого обещания от врача.

— Конечно! — тот буднично пожимает плечами, словно не сомневается в этом. — С ней будут работать психологи и другие специалисты. Всё обязательно наладится. Не переживайте так.

Я благодарю доктора, прощаюсь с сестрой и выхожу из больницы.

Останавливаюсь у главного входа и поднимаю взгляд на выпветшую вывеску. Чёрные буквы на белом фоне кажутся слишком чёткими, слишком холодными: «Психиатрическая больница».

От этих слов внутри всё сжимается.

Пытаюсь выстроить в голове последовательность событий, найти хоть какую-то причину.

Вспоминаю день её выписки из роддома: напряжённое лицо Насти, её дрожащие руки, короткие ответы, от которых становилось не по себе.

Тогда я списывал всё на усталость после родов, на бессонные ночи, на гормоны, о которых постоянно говорят врачи.

Но теперь понимаю: дело не только в этом.

Что-то происходит между ней и отцом ребёнка. Что-то такое, о чём Настя не решается рассказать даже нам.

— Я тебя найду. И ты ответишь мне на все вопросы. А ещё ты ответишь за то, что сделал с ней, — шепчу я, сжимая кулаки и давая обещание самому себе. — Из-под земли достану. Но от моей мести ты не уйдёшь.

Я не знаю, где он сейчас. Не знаю, что именно произошло.

Но чувствую: он связан с состоянием Насти.

И пока она молчит, мне остаётся самому добраться до правды.

Я ударяю кулаком в стену. Боль приходит не сразу.

Сначала слышится только тупой удар, отдающийся в запястье и локте.

Потом по костяшкам разливается жжение.

Но мне всё равно.

Физическая боль кажется слишком незначительной рядом с тем, что сейчас происходит с моей сестрой и семьёй.

Глава 1

МАКСИМ. НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Сегодняшний день с самого утра идёт наперекосяк.

Телефон не замолкает, почта забивается письмами, а на столе растёт стопка документов, которые требуют моего внимания ещё вчера.

Несколько вопросов висают в воздухе, и каждый из них кажется срочным.

Поставщики ждут решения, партнёры уточняют условия, юристы присылают правки к договорам.

Работы становится всё больше, но жаловаться мне не на что.

Вместе с ней растёт и прибыль: появляются выгодные контракты, расширяется список клиентов, на счетах прибавляется денег.

Всё идёт именно так, как я и планировал.

Усталость, конечно, накапливается, но она приятная. Она именно та, что приходит после хорошего результата.

Я откидываюсь на спинку кресла, на пару секунд закрываю глаза, а потом снова смотрю в бумаги.

В этот момент дверь кабинета резко распахивается.

— Максим, милый мой братик, — слышу звонкий голос сестры, — как дела?

Настя влетает в кабинет так, будто за ней кто-то гонится.

На ней лёгкая куртка, волосы чуть растрёпаны, а на лице сияет слишком уж невинная улыбка.

Я сразу понимаю: пришла она явно не просто поздороваться.

— Привет, мелкая. Нормально. Сама как?

— Хорошо. Чем занят? — Настя привычно забирается на него с ногами, устраивается поудобнее и начинает внимательно смотреть на меня.

В её взгляде столько ожидания, что я едва сдерживаю улыбку.

— Максим Ильич, извините, — она пробежала мимо, я даже отреагировать не успела, — следом в кабинет торопливо заглядывает мой секретарь — Лилия. Она выглядит виноватой и немного растерянной.

— Всё хорошо, не переживайте, — киваю помощнице.

Зная свою сестру, понимаю, о чём говорит Лилия. Настя, если захочет, в любую щель пролезет. Она умеет быть настойчивой.

— Дела нормально, — жду того, как начнёт что-то просить.

Она несколько секунд молчит, потом снимает ноги с дивана, поднимается и медленно направляется ко мне.

Я наблюдаю за ней краем глаза.

Настя садится за длинный стол для переговоров напротив моего рабочего места, складывает руки перед собой и делает вид, что глубоко задумалась.

— Занят? — зачем-то уточняет она.

— Конечно. Дел невпроворот. Насть, ты обычно не приходишь просто так. Говори, что случилось.

— А почему что-то обязательно должно случиться? — демонстративно закатывает глаза.

— Ладно... Макс... — По её голосу я понимаю: начинается.

Настя нарочно тянет время, подбирая нужные слова.

— А? — не отрываюсь от бумаг.

— Ты меня любишь? — заходит издали и выдавливает притворную улыбку.

— А ты сомневаешься?

Я всё-таки поднимаю голову. Настя смотрит на меня широко раскрытыми глазами и выдавливая такую притворно-милую улыбку, что я едва не смеюсь вслух.

— Не сомневаюсь, но ты скажи мне это, глядя в лицо.

— Люблю, конечно. Ты же моя младшая сестра. Я с пелёнок твоя вечная нянька. Как я могу тебя не любить?

— Тогда не мог бы ты мне одолжить немного денег?

— Немного — это сколько? И в нашем случае не одолжить, а дать. Верно? — складываю руки на груди и жду, когда объявит сумму.

— Тысяч сто.

— Зачем тебе так много? — удивляюсь, не скрывая этого.

— Платье хочу купить, но оно дорогое. У родителей деньги спрашивать не могу, — буднично так отвечает, словно просит сто рублей на мороженое. — Знаю, что откажут.

В её голосе нет ни капли смущения — только уверенность, что я, как всегда, решу её проблему.

— Мне кажется, у тебя от этих платьев уже шкаф ломится. Куда тебе ещё?

— Ну не вредничай! Дай денег! У тебя же их много! — она требовательно смотрит на меня.

— Ладно, что за платье? — уступаю. Когда мне ей было жалко денег?

Она на секунду замирает, будто не ожидала вопроса.

— Ты что, будешь интересоваться моделями и лейблами?

— А почему бы нет. Просто мне мама буквально недавно рассказывала о том, что вы гуляли по торговому центру, и ты купила себе парочку. Настя, такое ощущение, что ты меня что-то скрываешь. У тебя проблемы? Зачем тебе нужны деньги?

Настя отводит взгляд, разглядывает что-то за окном.

И это мне уже не нравится.

Обычно она могла часами объяснять, чем одна сумка отличается от другой и почему именно эта пара обуви ей жизненно необходима.

— Не говори ерунды, — наигранно смеётся.

— Ну почему ерунды? Для меня это странно.

— А что странного?

— Я точно знаю, что отец даёт тебе денег. Не подумай, я не жадный, но теперь думается, что ты либо на что-то копишь, но мне не говоришь либо тратишь на то, что пытаешься скрыть. Какой из вариантов правильный?

— Никакой из вариантов! Сказала, просто хочу купить платье! — замечаю, как злится сестра и хмурится всё сильнее.

Её раздражение слишком быстрое, слишком острое.

Я замечаю, как она сжимает пальцы в кулак, как нервно дёргает ногой под столом.

И чем больше она злится, тем сильнее я убеждаюсь: дело вовсе не в платье.

— Хорошо, но у меня есть одно условие...

Я смотрю на неё и замолкаю на несколько секунд.

Внутри неприятно царапает тревога. Не нравится мне всё это.

Настя может быть капризной, избалованной, упрямой — но она редко врёт мне так неумело.

— Говори своё условие, — торопит меня.

— Ты должна мне показать его после того, как купишь.

Настя, услышав мои слова, сразу же теряется.

Значит, я прав. Значит, есть что-то другое, что скрывает.

— Хорошо, — всё-таки соглашается.

— Когда купишь?

— Не знаю, на днях. Денег давай, — протягивает руку и ждёт, чтобы я ей отдал карточку, которую недавно отобрал в злости за слишком большие траты. — Не скупись на сестру!

— Ох, избаловали мы тебя с родителями, — вздыхаю и улыбаюсь.

— И будете баловать и дальше! — показывает мне язык, словно ей не девятнадцать скоро будет, а пять.

— Замуж выйдешь, пусть тебя муж балует.

— Скоро выйду! — неожиданно быстро отвечает мне довольная, но потом понимает, что сказала лишнего.

А вот это уже интересно.

Вижу, как она жалеет о сказанных словах и отводит глаза. От этой странной скрытности становится не по себе.

— Настя, у тебя кто-то появился? Скажи мне, — стараюсь говорить спокойно.

— Нет, — но я знаю сестру, и её поведение, когда врёт.

— Врёшь.

— Ладно, — замолкает на мгновение, словно думает, признаваться мне или нет. — Да, я познакомилась с одним парнем, но пока не буду ничего говорить больше. Макс, прошу, не устраивай допрос.

— Что ты скрываешь? — настаиваю на своём.

— Ничего.

— Тогда скажи, кто такой.

— Неважно, — отмахивается, хватая сумку со стола, пытаюсь быстрее скрыться.

— Мне важно! Хочу познакомиться, — хватаю её за рукав и не даю уйти.

Преграждаю ей путь и замечаю, как от этого она начинает нервничать ещё сильнее.

— Зачем? В моём парне нет ничего необычного. Он красивый, да. И я его люблю. Этого достаточно.

Ну, ей, влюблённой дурочке, может, и достаточно. А мне нет.

Я растил сестру с пелёнок и до сих пор обеспечиваю её весёлую и беззаботную жизнь. Поэтому имею право знать, с кем она встречается.

— Вот и познакомь нас.

— Зачем? — теряется.

— Волнуюсь за тебя. Хочу знать, с кем ты гуляешь. Боюсь, что тебя могут обидеть.

— Максим, не занудствуй, — показательно зеваает, даже рта ладошкой не прикрывая. — Я взрослая уже.

— Взрослая-то взрослая, но ты, видимо, забыла, что с момента твоего рождения я практически отвечал за тебя. Напомню, что я твой старший брат! И не просто старший, а практически твоя нянька! Поэтому, если я спрашиваю, ты должна мне отвечать. Поверь, это несправедливое любопытство, — злюсь и злости своей уже не скрываю.

Я никогда не разговариваю с ней так сурово.

Даже когда она вытворяет что-то совсем безрассудное, обычно мне хватает одного взгляда или спокойного разговора.

Но сейчас она упрямо увиливает, прячет глаза и делает вид, будто я не имею права волноваться. И это выводит меня из себя.

После того как я рываю на неё, замечаю, как Настины губы начинают трястись, и я понимаю, что она сейчас заревёт.

— Вот только давай без этого! Я знаю, как ты этим умеешь манипулировать. С родителями это прокатывает, со мной нет! Скажи лучше правду.

— Максим, всё со временем, — тихо говорит она, пытаюсь смягчить мой гнев. — Просто у нас ещё не всё так серьёзно, чтобы я рассказывала тебе о нём.

— В каком смысле не всё так серьёзно? Настя, ты помнишь, что тебе только-только исполнилось восемнадцать?

— А когда будет, можно? — Она вскидывает на меня глаза и, кажется, пропускает мимо ушей всё, что я только что сказал.

В её взгляде уже нет прежней растерянности — только вызов.

— Можно, что? — не понимаю её вопрос.

— Можно мне, например, будет оставаться ночевать у него?

Несколько мгновений я просто смотрю на неё, не понимая, правильно ли услышал.

Так, кажется, сестру несёт куда-то не туда.

Когда вдруг она начала хотеть оставаться у мужчины ночевать? И главное — как я не заметил, что ей хочется этого...

— Ты обалдела? — вырывается у меня.

Настя после моих слов мгновенно хмурится.

— А что такого? И почему я вообще должна спрашивать твоего разрешения? — вскидывает гордо подбородок. — Имей в виду, как только я захочу, я сразу же перееду к нему!

— Так, — подхожу к ней близко, дёргаю её на себя, заставляя смотреть мне в глаза.

Вот теперь я окончательно теряю терпение.

Настя не успевает отступить. Я беру её за плечи и разворачиваю к себе, заставляя посмотреть мне в глаза.

— Кто он такой? Говори!

Я редко повышаю голос, но сейчас это тот случай, когда по-другому с ней нельзя.

— Не скажу, — начинает реветь, размазывать слёзы по лицу. — Ты злой!

— А ты сейчас ведёшь себя как пятилетний ребёнок! Иди умойся, вся тушь потекла. Не рановато ли тебе так краситься? Я уже говорил, ты перебарщиваешь с косметикой!

Злюсь на сестру. Она опять довела ситуацию до ссоры.

Настя уходит в уборную, её нет уже больше двадцати минут. Видимо, хочет успокоиться.

А мне ещё и лучше, потому что мне самому надо сделать тоже самое.

Из разговора с сестрой делаю выводы о том, что она встречается с каким-то парнем, которого ни я, ни родители не знаем.

И всё это мне категорически не нравится.

Если бы это был Артём, я бы ещё понял и совершенно не стал сопротивляться их встречам. Этого парня я знаю, он её ровесник, и вполне прекрасный пацан.

А здесь? Какой информацией я владею об этом человеке, с которым она собралась ночевать и замуж?

Никакой! И меня это категорически не устраивает.

— Настя, — обращаюсь к ней после того, как снова заходит в кабинет. Стараюсь говорить как можно нежнее, а она продолжает хлюпать носом. — Я сорвался, но это не потому, что я тебя не люблю. Скорее, ровно наоборот, очень люблю. Я просто переживаю за твоё будущее. Ты сейчас ещё пока маленькая, и к тому же максималистка. Это нормально. Но ты пока не всё понимаешь на тему отношения между мужчиной и женщиной...

«Надо спросить у матери, разговаривала ли она с ней на тему секса. Ещё не хватало, чтобы она забеременела» — ловлю себя на мысли.

— Я взрослая! Прекрати называть меня маленькой! Повторяю: когда я сама захочу я буду жить так, как я считаю нужным! И вы мне не указ! — буркает мне.

Вижу, что продолжает злиться. Но я не намерен уступать.

Я всё больше вижу, как она злоупотребляет нашей добротой. И иногда это доходит до абсурда.

— Не получится, — сразу же отсекаю её надежды на желания уйти от родителей в любой момент.

— Почему?

— Пока ты зависишь от нас, ты будешь считаться с нашим мнением, нравится тебе это или нет. Так что, правду всё-таки скажешь? Не думаю, что деньги нужны на какое-то платье. Врёшь ведь?

— Я хотела подарить подарок любимому человеку, — наконец-то сдаётся.

Моя сестра хоть и взбалмошная, но отходчивая. Она прекрасно понимает, что я всё равно добьюсь правды и мне лучше уступить.

— Хорошо. Я дам денег. Но прежде прошу познакомить меня с ним.

— Зачем? Не тебе же с ним жить, а мне! Зачем тебе с ним знакомиться?

— Я так хочу. У тебя прихотей много. Считай, что это моя.

— Дашь денег или нет?

— Такую сумму непонятно на что и на кого нет, не дам.

— Ладно! — злится, разворачивается и уходит.

— Стой, мы недоговорили!

— А я больше не хочу разговаривать. Не знала, что ты такой жлоб!

— Вот так здравствуйте, приплыли! — говорю ей вслед.

Стою и чувствую себя словно меня в чан с дерьмом опустили.

Я никогда не жалел для неё денег. Она всегда получала самое лучшее и от родителей, и от меня.

А теперь я, оказывается, жлоб.

Глава 2

После ухода Насти я не нахожу себе места. Мысль, что у неё появился кто-то, не выходит у меня из головы.

Интуиция настойчиво твердит мне, что мои тревоги не беспочвенны.

Единственным вариантом, как я могу больше узнать об этом парне — обратиться к родителям.

Уж мама наверняка знает, где и с кем проводит время моя сестра.

Настя явно что-то недоговаривает, а её импульсивный характер только усиливает моё беспокойство.

Она всегда бросалась в увлечения с головой, и это теперь больше минут, чем плюс.

Хотя мы брат и сестра, мы совершенно не похожи.

Настя живёт эмоциями, легко загорается и порой бывает непредсказуемой.

Я же привык всё контролировать: быть спокойным, старательным и ответственным.

Я пытаюсь списать её поступки на возраст и на то, что в семье её всегда баловали. Но от этого мне становится ещё тревожнее.

Иногда я жалею, что с детства ей позволяли слишком многое: маленькая, долгожданная девочка, все относились к ней как к принцессе.

А теперь понимаю, что ей стоило чаще объяснять границы.

— Привет, мам, — говорю я, заходя в дом с мамиными любимыми пирожными. Надеюсь хоть немного её порадовать.

Но, едва переступив порог, замечаю её настроение.

Обычно приветливая и добродушная, сегодня мама выглядит мрачной и погружённой в свои мысли.

Нет, пирожные тут вряд ли помогут.

— Всё нормально?

— Не очень, — вижу, как аккуратно отвечает мне.

— Не говори сама. Я догадаюсь: наша младшая опять всем хлопот добавляет? — пытаюсь пошутить, но выходит плохо.

Мама не улыбается. Она лишь слабо качает головой и отводит взгляд, будто не знает, с чего начать.

В её руках нервно шуршит край кухонного полотенца — привычка, которая появляется только тогда, когда она действительно переживает.

Наблюдая за тем, как она мнётся, я понимаю: дальше тянуть нельзя.

Я приехал сюда не ради чая и не ради разговоров о работе. Мне нужна правда, какой бы неприятной она ни оказалась.

— Мам, поговори со мной о ней.

— А что ты хочешь услышат, сынок?

— Правду.

— Правду... Правда такова, что за последнее время Настя сильно изменилась, — вздыхает тяжело мама.

— Когда это началось? Я что-то упустил?

— Нет. Не ищи виноватых. Ты не обязан был всё замечать, у тебя своя жизнь.

Сначала она стала слишком ярко краситься, потом начала поздно возвращаться из школы. А теперь просит деньги, и суммы немаленькие.

Я медленно опускаюсь на стул напротив. Внутри неприятно холодеет.

Значит, я был прав.

Все эти странные разговоры, внезапная скрытность, телефон, который она теперь не выпускает из рук, её раздражение на любые вопросы...

Это не просто переходный возраст и не обычное желание почувствовать себя взрослой.

От этой мысли становится только тяжелее.

Что-то подсказывает мне, что это начало беды.

— Максим, здесь что-то не так. Она постоянно просит денег, — мама, словно беспокоясь, что нас услышат, начинает говорить шёпотом. — Я вот чувствую, с ней что-то не в порядке.

— Мам, она влюбилась.

— Почему так думаешь? — Мама поднимает на меня глаза. В них на мгновение вспыхивает надежда будто влюблённость кажется ей самым простым и безобидным объяснением.

Она, вероятно, тоже думает о положительном друге Насти — Артёме.

— Потому что она практически заявила мне, что скоро начнёт оставаться ночевать у какого-то парня.

— Как... Как ночевать? Так рано?!

— Это не всё... — мне не хочется расстраивать родителей, но придётся. Если я не скажу маме правду, она не сможет понять мои волнения.

— Это Артём?

— К сожалению, нет. Мама, поговори с ней о предохранении, — я отвожу глаза, потому что мне неприятен этот разговор.

Нет, я не тот, кто будет ограничивать свободу своей сестры. К тому же её уже исполнилось восемнадцать.

Но Настя изменилась. И не в лучшую сторону.

Именно поэтому я хочу всё держать под контролем.

А в родительском доме это смогут сделать только родители.

— Максим, прекрати, — резко обрывает меня. — О каком предохранении? О чём ты говоришь? Она ещё ребёнок, ей всего восемнадцать.

— Ты вообще слышала, что я тебе только что сказал? Она выдала, что скоро будет оставаться у парня ночевать. Мама, она уже рассуждает не как ребёнок, — стараюсь говорить ровно, но чувствую, как голос срывается на недовольство.

— И что же нам делать?

— Ну для начала успокоиться. На цепь ты её всё равно не посадишь. Именно поэтому прошу: поговори с ней, расскажи ей, откуда берутся дети. Если ты не сделаешь этого, сделаю я. Но всё-таки, мне кажется, о таких вещах мама с дочкой должна разговаривать, а не брат.

— Да-да, — кивает и всё-таки соглашается. — Но мы всё равно пока не будем думать о плохом. Пока ничего страшного не случилось. Ну, подумаешь, парень появился, — мама, произнося этот вслух, словно уговаривает себя.

Я не успеваю возразить, когда слышу, как в дверь родительской квартиры стучат.

Мама вздрагивает, а я машинально перевожу взгляд в сторону прихожей.

Отец сегодня на смене, поэтому открывать приходится мне.

На пороге стоит дядя Ваня — наш сосед с площадки, добродушный мужчина лет пятидесяти, который знает о жизни всего подъезда, кажется, больше, чем сами жильцы.

— Привет! Слушайте, я только что вашу мелкую видел с каким-то парнем. Это, конечно, не моё дело, — тут же добавляет сосед, понижая голос, — но не слишком ли он взрослый для неё?

— Они возле подъезда? — набрасываю на плечи куртку.

— Сейчас, может, и нет уже. Ну малявка... Хотя нет... Уже не малявка. Ваша Настя так страстно с ним целовалась, что я аж обалдел, — смеётся добродушно сосед.

Слушая дядю Ваню, окончательно понимаю, что ситуация — дрянь. Сосед лишь подтвердил наше опасение и теперь нам ничего не остаётся, как попытаться помочь Насте не оступить.

— Привет, семья, — влетает в квартиру только что упомянутая сестрица.

Поднимаю на неё глаза. Кажется, передо мной стоит не совершеннолетняя девушка, а... ребёнок...

В этот момент я вдруг особенно ясно вижу, какая она ещё юная.

Несмотря на взрослый макияж, новую одежду и попытки казаться самостоятельной, передо мной всё та же Настя.

Тонкая, нескладная, слишком высокая для своего худенького тела, поэтому она постоянно немного сутулится.

Лицо у неё совсем детское — с большими доверчивыми глазами, веснушками на носу и упрямой складкой между бровей, появляющейся каждый раз, когда она чувствует опасность.

Иногда мне кажется, что она выглядит младше своих лет.

Слишком хрупкая для тех проблем, в которые, возможно, уже успела влезть.

Настя смотрит на меня, потом на маму, понимает, что мы всё знаем.

— Ладно, я пошёл, — мнётся на пороге сосед, а Настя прожигает его взглядом.

— Спасибо, — выдавливают мама из себя.

— Зачем он приходил? — фыркает недовольно.

— Настя, расскажи о своём молодом человеке, — выпроводив соседа, набрасывается на дочь наша мама.

— Мам... Ну хоть ты не устраивай допрос. — Настя снова закатывает глаза. Как же бесит меня её неожиданно появившаяся привычка!

— Почему? И это не допрос, а простой вопрос. Почему такая скрытность?

— Потому он не хочет, чтобы вы пока о нём знали. По крайней мере, пока, — Настя спешно скидывает с ног туфли и спешит в ванную.

Там она хочет закрыть дверь, но я не позволяю.

— Прежде чем ты уйдёшь, я хочу, чтобы ты ответила на те вопросы, которые задала тебе мама, — вмешиваюсь в разговор.

— Ну не хочет, и всё. Он уверен, что не понравится вам, — Настя снова тянется к ручке двери, но, замечая мой взгляд, не решается закрыть перед моим носом дверь.

— А как он может быть так уверен, если мы ни разу его не видели? — настаиваю на своём.

— Максим, ты вообще не вмешивайся! — и всё-таки срывается на крик.

— Что значит не вмешивайся, — перебивает её мама, — он твой старший брат! Если ты забыла, он практически вырастил тебя, пока мы целыми днями были на работе. И сейчас именно он обеспечивает все твои хотелки! Не налей, Настя!

— Я уже взрослая! Хватит меня учить. Вы мне все надоели! — понимая, что в ванной комнате запереться не получится, отталкивает меня, разворачивается и сбегает в свою комнату. — И хватит меня допрашивать!

Она стащила её в Египте, когда я возил всю семью на отдых.

Наступает звенящая тишина. Мама расстроена. Я тоже.

— Максим, может быть, хоть как-то ты узнаешь, кто это такой.

— Мама, не переживай, всё узнаю. Ох, женщины, любите вы накручивать. Я уверен, что он нормальный парень, просто она шифруется, боясь, что вы запретите ей с ним встречаться.

Глядя на маму, я улыбаюсь. Но если честно, сам не верю сейчас в то, что говорю.

Слишком сильно изменилось поведение моей сестры за последнее время.

Глава 3

— Максим, привет!

— Привет, — я отодвигаю в сторону увесистую папку с отчётами и устало тру перено-
сицу. Работа в офисе кипит, но ради сестры я готов поставить на паузу весь мир. — Какими
судьбами в разгар рабочего дня?

— Я хотела пригласить тебя сегодня на ужин...

— Ужин? — Догадка появляется моментально: мама всё-таки дожала Настю. Спустя две
недели Настя сдалась под натиском семейных расспросов.

— Да.

— О как, неужели свершилось? — сам того не замечая, подначиваю сестру.

— Да, представь себе! — чувствую, как дует губы. — Вы же мне все нервы вытрепали
причитаниями, мол, встречаюсь непонятно с кем, а вы его в глаза не видели.

Настя злится, но мне плевать.

Мне действительно до зуда в ладонях хочется увидеть того, кто сумел так вскружить
голову моей младшей сестрёнке.

А ещё я хочу быть спокоен, что парень не обидит её.

Пока не знаю, что буду делать, если он не понравится мне. Запрещать встречаться с ним,
конечно, не буду. Но что совершенно точно буду начеку — факт.

— Насть, это естественное желание — знать, с кем проводит время младшая сестра. Осо-
бенно с учётом твоих заявлений о скорой свадьбе.

Конечно, в серьёзность этих планов я не верю ни на грош. Для меня она всё ещё остаётся
той девчонкой с разбитыми коленками, которую нужно вытаскивать из неприятностей.

Но от моей сестры, с её импульсивным характером, можно ожидать любого безумства,
поэтому лучше перестраховаться.

Слышу, как Настя фыркает. Но не спорит. Видимо, парень действительно важен для неё,
раз она готова терпеть мои подзуживания.

— Ладно, невеста, остынь. Когда и где? Твой принц готов предстать перед судом инкви-
зиции в моём лице?

— Да уж! Точное сравнение.

— Ладно. Ты хоть в двух словах обрисуй, что за персонаж. Сколько лет? Чем дышит?
Учится где-то или работает? В общем, что он собой представляет.

— А почему он обязательно должен из себя «что-то представлять»? — сестра снова недо-
вольна. — Любви плевать на статусы, кошельки и положение в обществе.

А вот здесь я совершенно согласен с сестрой. Мы ведь тоже не сразу начали хорошо жить.

Мои родители были простыми инженерами, и никогда не баловали меня.

Я тот, кто смог принести в семью достаток. Но за этот достаток я заплатил довольно
дорого. У меня до сих пор не было семьи.

Когда все мои друзья играли свадьбы, я был занят или работой, или помощью родителям
в воспитании Насти. В то время мы с ней были особенно близки, и она постоянно ходила за
мною хвостом.

Я ведь даже квартиру покупал с учётом того, что в ней обязательно будет место для моей
младшей сестры, если она захочет прийти переночевать.

— Согласен. Но всё-таки если ты говоришь, что он взрослый, значит, он чем-то должен
заниматься?

— Чем-то занимается, — размыто отвечает без уточнения. Меня раздражает, что мне
приходится вытаскивать из неё информацию клещами, но у меня нет выбора. Заставить дать

больше информации, чем она даёт, я всё равно не смогу. Ладно, потом ребят своих подключу, они мне найдут о нём всё.

— Ты испытываешь моё терпение, сестрёнка...

— Ну, Максим, я что, буду ему допрос его устраивать? Приходи на ужин и сам всё узнаешь.

Идти совершенно не хочется, но, вариантов нет. Мне нужно увидеть этого молодого человека Анастасии.

Душа не на месте, и какое-то чутьё подсказывает, что в этих отношениях всё будет совсем не просто.

Уверен, этот её молодой человек разобьёт ей сердце, а Настя потом будет очень сильно страдать.

Ну и я, соответственно, вместе с ней.

Попадая в пробку, не успеваю к назначенному времени приехать к родителям.

Захожу в квартиру, слышу разговор молодого человека с моим отцом. Понимаю, что знакомство уже состоялось и родители пытаются понять о нём хоть что-то.

— Расскажите нам немножко о себе, Александр.

— Ну а что, собственно, рассказывать, — когда я захожу в комнату, он бросает на меня беглый взгляд. Следом кивает в качестве приветствия, но даже не поднимает свой зад, чтобы протянуть мне руку в знак уважения. — Ничего интересного в моей жизни для вас нет.

Я медленно опускаюсь на стул прямо напротив него, нарочито спокойно расправляю салфетку и делаю вид, что приступаю к еде.

Хотя на самом деле моё внимание к тарелке — лишь иллюзия, удобная ширма, позволяющая мне вести холодное и методичное наблюдение.

То, что я вижу, мне не нравится.

Передо мной сидит холёный, завершенно уверенный в себе молодой человек.

На вид ему года на два меньше, чем мне, но в его позе сквозит такая вальяжность, будто это я пришёл к нему на поклон, а не он в мой дом.

У него ухоженное лицо и стрижка, за которую в барбершопе явно отдали круглую сумму, но этот лоск диссонирует с тем, как он презентует себя нашей семье.

Одет он в обычную однотонную футболку и потёртые джинсы.

Я не сторонник строгого дресс-кода, но здесь — другой случай.

На мой взгляд, когда парень идёт знакомиться с родителями своей девушки, он должен демонстрировать хотя бы базовое уважение к традициям.

Мог бы для приличия надеть рубашку, а не выглядеть так, будто заскочил к нам по пути в ближайший бар.

Эта его расслабленность кажется мне вызывающей.

Он сидит, откинувшись на спинку стула, и его взгляд — прямой, почти дерзкий — не выдаёт ни капли того волнения, которое полагается испытывать в такой ситуации.

Он слишком спокоен. Слишком уверен, что уже очаровал Настю, а значит, и весь остальной мир у него в кармане.

— Мне не очень нравится, когда мне задают вопросы о моей жизни, — заканчивает он говорить, когда мой отец что-то снова его спрашивает. Это похоже на допрос в... ментовке.

— Да, да, конечно, — смущается мой отец.

— Вы извините нас. Просто вы новый человек, и мы очень волнуемся за Настю. Она ещё очень маленькая... — словно оправдывается перед ним моя мама, вмешиваясь в разговор.

— Не волнуйтесь. Настя всем довольна и счастлива. Да, Настюх? — он берёт её за шею и притягивает к себе. А затем сразу целует в губы, даже не стесняясь родителей.

Это не просто поцелуй. Это захват губами её губ. Наглый, уверенный, страстный.

Жду, что моя сестра оттолкнёт его и скажет, чтобы он вёл себя прилично, но ничего подобного не происходит.

Напротив, в ответ вместо сопротивления, она отвечает ему на поцелуй.

Мама, смущаясь, отворачивается, а отец хмурит брови, но сдерживается и ничего не говорит.

— Настя, прекрати! Имей уважение к нам, — рявкаю слегка сильнее, чем следовало бы при чужом человеке.

Я не мои слишком воспитанные родители и терпеть подобного не стану.

Они отрываются друг от друга, а я даже не знаю, как действовать дальше.

Вышвырнуть его прочь? Сестра обидится.

Оставить, значит, позволить ему вести себя так, как он ведёт.

— Простите, не смог сдержаться. Настюха такая сладкая, — облизывает демонстративно губы. — Про себя... не знаю даже, что рассказать. Родился, ходил в детсад, потом в школу... Ничего интересного.

— Образование? Вам ведь уже...? — мама ему намекает, что надо хочет знать про его возраст.

— Мне двадцать восемь. В моей жизни всё неинтересно. Была семья, но потом сплыла.

— Это как? — не понимают мои родители. Да, собственно, и, я.

— А, там печальная история. Отец погиб. У меня остались мать и сестра.

— Сестра младшая, или старшая? — спрашивает мама.

— А какое это имеет значение?

— Да в принципе, никакого, — пожимает мама плечами и опускает глаза. Я уже понимаю, что она расстроена.

— Я тоже так думаю. Я, если честно, вообще не понимаю: я вам всю свою биографию должен рассказать? — неожиданно повышает тон и начинает хамить.

Теперь всё становится на свои места. Настя научилась от него этому хамству, в этом даже не сомневаюсь.

— Зачем хамить? — осекаю его, — это самые простые вопросы.

Я обещал маме по телефону до этой встречи молчать и слушать, но сейчас сдержаться не могу. Хотя на самом деле ещё большее желание — дать ему в морду за неуважение к моим родителям.

За столом возникает пауза, которую никто из нас не стремится заполнять.

Перевожу взгляд на сестру. Замечаю, какими глазами она смотрит на этого парня. И какими глазами в ответ смотрит он на неё.

Такое ощущение, что он раздевает её прямо при нас и совершенно этого не стесняется. Именно в этот момент я понимаю, что между ними точно были не только поцелуи в губы.

Мама, так же как и я, заметив эти страстные переглядки, краснеет. Уверен: у неё такие же мысли, как и в моей голове.

— Настюх... Мы надолго здесь? — совершенно не стесняясь, обращается к моей сестре.

— Нет, нет, не переживай, — словно оправдывается перед ним, — сейчас покушаем и уйдём.

— Ну вот и славно, — накладывает себе без стеснения приготовленную мамой еду, — а то, знаете ли, дела у меня.

Он кладёт локти на стол, склоняется над тарелкой и начинает кушать салат, который положила ему в тарелку сестра.

Попробовав, он демонстративно морщится, отодвигает тарелку, всем своим видом показывая, что эта еда ему противна.

— Ты так быстро уходишь? — разочарованно вздыхает сестра, — можно мне с тобой? — заискивающе смотрит ему в глаза.

Меня трясёт от её глупого и тупого поведения. Никогда не видел её такой. Она выглядит сейчас как полная дура.

«Ох, чувствую я, ещё немало доставит нам этот придурок проблем. И разгребать мы будем очень долго» — возникает эта мысль в моей голове, и боюсь, что она пророческая.

— Нет, с собой я тебя не возьму. Давай сегодня ты останешься дома, со своими родителями и братом.

Следом берёт яблоко, с хрустом кусает его, бросает недоевши. Достает зубочистку, и без всякого стеснения начинает ковырять в зубах.

Не понимаю, как это быдло могло понравиться моей сестре. Они же как с разных планет!

— Саша, ну, пожалуйста, — голос Насти звучит жалко, она буквально канючит, вцепившись в его ладонь обеими руками.

Видеть сестру в такой позиции для меня — чистая пытка. Она заглядывает ему в глаза, пытаюсь выторговать ещё хоть немного его времени, но тот остаётся холоден.

— Ну я же сказал — нет. У меня дела.

Сцепив зубы, я наблюдаю за этим спектаклем, и внутри меня всё клокочет. Видеть, как моя гордая сестра превращается в просительницу перед этим типом, невыносимо.

Моё терпение лопаается с оглушительным треском.

— Настя, хватит унижаться, — вмешиваясь в их разговор, не сдерживаясь.

— Максим, — она оборачивается ко мне, и в её глазах вспыхивает ярость. — Сашенька, извини моего брата.

— Да ладно, не парься, — перекачивает из одной стороны рта в другой зубочистку, с интересом поглядывая на меня. — Старший брат, все дела. У меня ведь тоже сестрёнка есть. Так что я его понимаю. Защитник! Наверное, думает, что я тебя обижу. Ты ведь так не думаешь, правда? — притягивает её подбородок одним пальцем, и снова снисходительно и бесцеремонно целует её губы.

И она снова отвечает.

— Настя! Прекрати! — срываюсь, забыв все правила приличия. — Ладно, на меня плевать, родителей хоть немного уважай!

Я резко перевожу взгляд на этого ублюдка, который продолжает ухмыляться, глядя на меня поверх её головы.

— А ты, — обращаюсь к этому ублюдку, — пошёл вон отсюда.

Жду, что он в ответ начнёт хамить. Но на удивление молча, он медленно встаёт со своего стула и не прощаясь уходит.

Настя семенит за ним, пытаюсь догнать.

— Саша, Саша, стой!

Настя, уходя, громко хлопает дверью.

— Максим, это же кошмар! Кого она привела в наш дом! Это же какой-то... Будущий уголовник! Ты видел его манеру общения? Это же самый настоящий бандит! — уже не сдерживаясь, рыдает мама. — А Настя? Она что, с ума сошла? Что нам делать? Ты видел, как она ведёт себя при нём? Смотрит как собака преданная. Разве я её этому учила в общении с мальчиками?

Мама тараторит, говорит быстро, но я не останавливаю её. Ей тяжело, и я её понимаю.

Мне самому тяжело, хотя она не мой родной ребёнок.

Но я вырастил её, и душа моя за сестру болит не меньше.

— Ну он уже не мальчик, — понимаю только потом, что сказал зря это, она ещё сильнее начинает плакать. — Мама, успокойся. Я поговорю с ней. Постараюсь убедить её, что этот парень ей не подходит.

— Да, поговорить ты поговоришь, — вмешивается в наш диалог отец, — только боюсь, что наши силы не равны. Она им увлечена, и, видимо, не просто увлечена, влюблена! А при каких условиях, дело дрянь.

Сижу, и даже не знаю, что ответить им, потому что понимаю: они правы.

Глава 4

«Я жду тебя у себя сегодня» — пишу сестре сообщение, потому что не могу дозвониться до неё уже третий день.

— Максим, привет, — перезванивает. — Зачем мне нужно к тебе тащиться?

— Поговорить. Родители просили. И я сам хочу.

— Я занята...

— Я сказал, чтобы сегодня ты была у меня! — что она мне скажет — даже слушать дальше не хочу. — Если днём, то шуруй на работу. Если вечером, приезжай ко мне домой.

— Хорошо, — нехотя соглашается.

О конкретном времени мы не договариваемся, поэтому я весь день то и дело смотрю на время и жду её.

Когда Насте что-то нужно, она тут как тут. А сейчас... Она словно специально включила игнорирование и злит меня.

— Чего хотел? — проходит в квартиру не здороваясь.

— Правда, не знаешь? — я стараюсь казаться дружелюбным, но выходит плохо. Я, как и родители, продолжаю переживать за сестру.

Если я как-то мог повлиять на неё, несомненно, я бы сделал это. Но её отношения не в моей власти. И урод этот явно этим пользуется.

— Если про Сашу, то...

— Ты реально не понимаешь, что вы разные? — даже закончить ей не даю. Я не представляю, что она может сказать мне в его оправдание.

— Это неважно! Я люблю его!

— Насть, в твои восемнадцать так всегда кажется, что первая любовь — самая главная сила во вселенной. Но поверь, всё не так.

— Да что вам всем от меня надо? — взрывается сестра. — Я могу поступать так, как хочу. Как чувствую! Я всё равно буду с ним, хотите вы этого или нет.

Смотрю на неё и хочется подойти и потрясти её за плечи. Но это тоже не поможет.

— Хорошо... — иду на уступки, понимая, что обсуждать её чувства бесполезно. — Давай тогда поговорим хотя бы о ...предохранении.

— Я всё знаю, — обрывает. — Я не дура!

— Точно? — и кажется, что от её «я всё знаю» становится легче. Значит, хотя бы есть надежда, что она не забеременеет.

Даже если бросит потом, переживёт. А вот если забеременеет... Даже подумать страшно.

— Да! И закроем эту тему!

— Хорошо, — сдаюсь.

Ну а что я могу ещё сказать ей в ответ?

После того как она заявила, что всё знает о предохранении, я понимаю, что момент, когда нужно было говорить слова «не торопись ложиться к нему в постель» — упущены. Но я действительно не подозревал, что моя сестра начнёт жить половой жизнью так рано.

— Настя, иногда можно совершить такие ошибки, которые, как бы мы ни хотели, будет уже не поправить. Помни это. Жизнь намного сложнее, чем тебе кажется. Просто мы тебя слишком любили, понимаешь? Ты не... — я чувствую себя занудой, стариком, учащим юную особу. Но я обещал маме поговорить с ней.

Хотя, мне казалось, что всё-таки это должна была делать именно мама.

Кажется, я и сам не заметил, как взвалил на свои плечи слишком много.

— Хорошо. Я услышала тебя. Давай просто закроем тему про Сашу и всё?

— Ох, Настюха... Твой «я услышала тебя» звучит как посыл нахрен. Но я не могу приставить тебе свою голову.

Я больше не хочу разговаривать на эту тему.

Я вижу, что она закрыта от меня.

Но если я начну давить на неё, она вообще меня возненавидит.

Зная импульсивность её характера, я вполне допускаю такую реальность.

Отпускаю ситуацию. Может со временем поговорим...

И я даже примерно знаю — когда! Когда она начнёт совершать ошибки, и переживать. А когда это обязательно случится!

Вот тогда-то Настя по привычке и придёт ко мне. А я этим воспользуюсь.

В своей работе, контрактах, развитии бизнеса не замечаю, как торопится время. Три месяца пролетают словно одна неделя.

Сегодня я возвращаюсь с работы уставший и проходя мимо девушки, сидящей на скамейке, даже не замечаю, что это Настя.

— Максим, — говорит она еле слышно, и я поворачиваю в её сторону лицо.

Она сидит, обхватив руками свои плечи, и трясётся.

— Насть... — быстро снимаю с себя куртку и набрасываю ей на плечи. — Ты чего здесь? Почему не идёшь в квартиру? Где твои ключи?

— Дома. В другой сумке. Но я не хочу идти домой.

— Вставай, — подхватываю её под руку и помогаю дойти до квартиры.

Я вижу, что она растеряна, и догадываюсь: время, которого я ждал пришло.

Сам я ничего не спрашиваю. Но уверен — она всё мне расскажет сама.

— Он бросил меня, — сестра снимает кроссовки, идёт в комнату и, ложась на кровать, утыкается глазами в потолок. — Не могу поверить.

Ну что сказать... Я, хоть и урод, но я этому рад!

Я же прекрасно понимал, что долго он с ней не будет.

Ну смешно, зачем она ему? Девочка совсем ещё, в голове ребячество и детство.

— Другого найдёшь. Ты у нас девчонка красивая, ноги от ушей, личико милое, — ищу слова для притворной поддержки.

— Максим, твои шутки сейчас неуместны, — злится.

Настя вся в этом. Что не по её, топают ножками и раздражается в мгновение.

Но, как оказалось, и как я видел в ту единственную встречу, так она ведёт с кем угодно, но только не со своим Сашенькой.

— Мелкая, да прекрати ты. Я, конечно, ещё не познал сильнейших мук любви, но предполагаю, что всё приходит и всё уходит. Первая любовь она такая: сначала по сердцу, потом по голове, и понеслось. Главное — вовремя остановиться.

Стараюсь шутить, но ровно до того момента, пока она мне не кидает фразу, которой я так боялся.

— Я беременная.

Замираю. И хоть я где-то подспудно верил, что такое может случиться, я всё равно, как любой нормальный человек надеялся, что она не допустит этого.

В его разум не верил. А вот что она не совсем глупа — надеялся.

— Настя, мы же говорили тебе про это, — сам не понимаю, зачем теперь этот упрёк. — Это... Это рано.

— Ну восемнадцать — подходящий возраст для любви. Первой особенно, — говорит, улыбается и плачет одновременно.

— Беременность не только про любовь. Это про ответственность. — Изю всех сил стараюсь держать себя в спокойном состоянии. — И как отец малыша? Доволен?

— А слился он, братик, — равнодушно пожимает Настя плечами, продолжая смотреть в потолок.

Догадываюсь: смотреть мне в глаза не решается.

Настя утыкается в подушку и рыдает в голос. От этой картины теряюсь, не знаю, как вести себя.

У сестры слёзы в три ручья. Так она не рыдала ещё никогда.

— Настя, прекрати.

— Он... он бросил меня, — хлюпает носом. — Бросил!

— Иногда люди теряются от новостей, которых не ждут. Иногда впадают в шоковое состояние. И мужчины тоже! Они тоже люди! Это нормально! Но, потом мозги встают на своё место и налаживается то, что казалось не наладится, — сажусь с ней рядом и притягиваю к себе.

Мне нужно как-то её поддержать, и поэтому я говорю то, что она, вероятнее всего, хочет слышать.

Однако даже в этом разговоре в голове стучит набатом один и тот же вопрос: «что делать? Что делать? Что делать!».

— Ты так говоришь, словно хочешь, чтобы он вернулся, — она шокирована моим словам. — Вы же с самого начала не принимали его. Зачем теперь мне говоришь, что всё будет хорошо? Знаешь же, что не будет. Ты мне с самого начала говорил, что мы не пара, но я тебя не слушала. Что вдруг изменилось, Максим? Ты просто утешить меня хочешь, неужели ты думаешь, что я этого не понимаю? Всё понимаю! — Настя тараторит без умолку.

— Я просто надеюсь, что ошибся в нём.

— Нет, не ошибся.

От накатившего чувства безысходности, унижения и какого-то дикого, почти животного неверия в происходящее меня начинает трясти.

Я не могу стоять на месте. Воздуха будто не хватает, стены давят, комната становится тесной, чужой, невыносимой.

Я мечусь из угла в угол, как зверь, загнанный в клетку, не находя выхода ни в дверях, ни в окнах, ни в собственных мыслях.

Внутри всё кипит. Злость поднимается волной — горячей, слепой, неконтролируемой.

Она не даёт думать, не даёт говорить, не даёт дышать ровно.

В какой-то момент я уже не понимаю, что делаю. Просто резко разворачиваюсь и со всей силы бью кулаком в стену.

Глухой удар разносится по комнате. Потом ещё один.

Кожу с костяшек срывает почти сразу. Она лопается, но боли я не чувствую.

Совсем. Будто тело отключилось, будто оно больше не моё.

Вся боль собралась глубже — там, куда не дотянуться руками, где невозможно приложить лёд, забинтовать, залить перекисью. Душе больнее, чем телу. Несравнимо больнее.

— Максим, прекрати, прекрати, прекрати, — слышу я за спиной голос Насти.

Она подбегает ко мне и обхватывает меня руками со спины.

Прижимается щекой к моей спине, цепляется за меня так крепко, словно боится, что я сейчас окончательно сорвусь, разнесу комнату, себя, весь этот проклятый вечер.

— Не надо, слышишь? Не надо так... — шепчет она, и в её голосе дрожит страх.

Вспомнив о сестре, замираю.

Настя всё ещё держит меня. Её руки дрожат у меня на груди, пальцы судорожно сжимают ткань моей футболки. Она молчит, но я чувствую её страх каждой клеткой.

И от этого становится ещё хуже. Потому что я никогда так не вёл себя. Я никогда не был таким агрессивным.

— Прости... Ты пробовала с ним поговорить? — я же отчётливо понимаю ситуацию, но всё равно устраиваю ей дополнительный допрос. Словно даю себе надежду, что не владею полной информацией.

— Да. Но зачем ты снова об этом?

— Настя, я хочу знать всё. Но ты слишком малословна. Информацию даёшь дозированно, по крупницам. Мне нужно знать больше, чтобы понимать, как действовать дальше. Я не хочу наломать дров. Говори яснее, какие мысли у него в голове? Что ты собираешься делать? Что он собирается делать?

Наступает молчание.

Сестра садится на пол, обнимает себя за ноги и утыкается лицом в коленки.

На мои вопросы не отвечает.

Я тоже молчу. Мне тоже нужно время, чтобы прийти в себя.

Злюсь на себя. Это ведь я, по сути, виноват. Всё-таки недоглядел за ней.

Пытаюсь в душе оправдать себя, что Настя выросла и уже перестала быть под моей ответственностью, но всё равно ничего не получается.

Я же пытался говорить с ней на тему предохранения. Настя кивала тогда и со всем соглашалась, говорила, что всё знает.

Но почему тогда она не предохранялась!

А он? Он что, совсем идиот? Она же ему не нужна! Этого только слепой бы не заметил.

А я? Что мне сейчас делать? Вроде взрослый дядька, она маленькая, но я тоже не знаю, как себя вести.

Ей поддержка сейчас нужна, но я туплю, находясь в прострации, словно меня только что нокаутировали.

Словно не её, а меня обманули и бросили.

Глава 5

— Родители знают про беременность? — присаживаюсь рядом, обнимая за плечи и прижимая покрепче к себе. Пусть хоть в моём лице мелкая почувствует поддержку и пору.

— Нет. Я не могу им признаться, боюсь.

— Когда ты узнала про беременность? — Зачем я задаю эти вопросы? Что они дадут мне? Какой прок мне от этой информации?

— Неделью назад, но срок уже приличный. Кажется, я упустила время.

— Когда сказала ему, что он ответил?

Настя опять начинает плакать и вертеть головой в разные стороны, словно стряхивая мысли из своей головы, пытаюсь выкинуть из памяти тот разговор со своим Сашенькой.

Слёзы катятся по её щекам почти беззвучно, но всё лицо искажается от боли, которую она больше не в силах удерживать внутри.

Она мотает головой из стороны в сторону — резко, беспомощно, будто пытается вытряхнуть из себя эти мысли, сбросить их, как что-то чужое и грязное.

Догадываюсь: она хочет силой вырвать из памяти тот разговор с этим ублюдком.

Стереть каждое его слово, которое застряло в неё душе занозой.

— Он сначала улыбался. Ехидно. Потом спросил точно ли ребёнок его. Мол, может, ты к кому-то ещё прыгала в кровать, а на меня повесить хочешь? — Настя словно пытается передразнить их разговор. — Максим, у меня кроме него не было никого. Я клянусь, — шепчет и дёргает меня за ворот футболки, словно от этого я буду лучше её слышать.

Ей не надо было клясться, я и так это понимаю. Девчонка ведь совсем.

Да и какое мне дело до этого? Это её жизнь и отношения, как я мог осуждать или не осуждать?

С одной стороны, кажется, что этот ублюдок, должен нести ответственность за этого ребёнка.

А с другой... Как? Жениться на ней?! Вот ещё счастье привалит в нашу семью!

Вот и получается: не знаешь, что и лучше.

— Максим, врач сказал, что срок уже почти три месяца и вариантов кроме как рожать — нет.

— Мы ходим к другим врачам. Ох, Настя, — я растираю сбитыми руками лицо и кровь размазывается по скулам.

— Прости меня. Я не знаю, как так вышло. Я перестала следить за своим циклом, не придавала значения этим вещам. У меня были раньше часто сбои, я не считала ничего. А он... Он говорил, что всё нормально будет... — она пытается снова объяснить, но что мне толку от её откровений сейчас?

Мне, наоборот, очень хочется, чтобы она замолчала! Слушать всё это тяжело.

На следующий день сажусь в машину и еду на консультацию к врачу. Я всё ещё хочу надеяться, что он сможет предложить мне варианты решения этой проблемы.

Сумбурно объясняю, что знаю сам и жду его вердикта.

Он несколько секунд хмурится, но затем, когда начинает говорить:

— Ситуация сложная... — а дальше он лишает меня всякой возможности верить в лучшее.

— Мама, — сажусь в машину и набираю родителям.

Настя, как всегда, как только возникает сложная ситуация — прячется за мою спину. И эта история не исключение.

Приезжаю к родным, рассказываю всё как есть и вижу, что они уже догадывались о происходящем.

Кажется, это не вызывает у них откровенный шок. Ну, либо они понимают, что это ничего не изменит.

Несколько дней подряд я езжу к родителям и пытаюсь убедить их, что я поддержу сестру. Но теперь мне кажется, что в доме что-то совершенно точно изменилось.

— Максим, они, видимо, помирились, — звонит мне мама сегодня утром и тихо говорит в трубку.

— С чего ты так решила? — замираю в удивлении.

— Настя, кажется, передумала страдать. Она неожиданно стала улыбаться, наглаживать живот, и... и зачем-то снимает себя на видео. Телефон не выпускает у неё из рук, словно он к ней прирос.

Этим же вечером приезжаю в родительский дом и снова пытаюсь понять, что происходит.

— Вы помирились? — Она не отвечает, но по опущенным в пол глазам понимаю, что да.
— Настя! Что ты опять скрываешь?

— Максим, я не хотела говорить, но дело в том, что Саша, он... мы... снова вместе. Ты был прав! Он ошибся тогда!

Теперь мне становится понятно изменение в её поведении. И я, признаться откровенно, не знаю радоваться или грустить.

С одной стороны, конечно, я рад за сестру. Но с другой — эти странные качели в их отношениях мне не совсем понятны.

Если он относится к ней серьёзно, вряд ли он желает расстраивать её. А если несерьёзно, зачем тогда даёт пустые надежды.

— Он придёт поговорить с родителями? Или со мной?

— Зачем? О чём?

— Об этом, — киваю на её пока ещё плоский живот. — Ты для него живот на видео снимаешь?

— Он отец. Хочу, чтобы мы запомнили моменты, как растёт наш сын.

Настя словно снова ожила.

Ещё недавно в ней было столько боли, растерянности и надлома, что мне казалось — она уже никогда не станет прежней. Но постепенно всё начало меняться.

Сначала едва заметно: она чаще улыбалась, дольше задерживалась у зеркала, снова стала напевать что-то себе под нос, перебирая детские вещи.

Потом будто совсем расправила крылья.

Она опять порхала по квартире, лёгкая, сияющая, почти невесомая, как бабочка.

Она вдохновенно готовилась к родам: выбирала пелёнки, раскладывала крошечные распашонки, спорила сама с собой, какие ползунки удобнее, читала статьи, составляла списки, пересматривала сумку в роддом по несколько раз.

Я смотрел на неё и пытался убедить себя, что я должен радоваться за сестру.

Но как бы я ни уговаривал себя, что так должно быть, я всё равно его ненавидел.

Тихо, глубоко, по-мужски зло.

Конечно, я стиснул зубы и засунул свою ненависть куда подальше, но давалось мне это очень тяжело.

Пару месяцев мы прожили спокойно. Я даже начал привыкать к этому спокойствию.

Осторожно, недоверчиво, но начал.

Даже позволил себе думать, что, может быть, худшее осталось позади.

Но эта жизнь продлилась недолго, и всё снова сорвалось.

Не просто пошатнулось, не дало трещину — а полетело вниз, в ту самую бездну, откуда мы только начали выбираться.

Будто кто-то одним движением выбил опору из-под ног. Вчера ещё были разговоры о коляске, роддоме и имени ребёнка, а сегодня снова слёзы, страх, сдавленный голос Насти и это мерзкое ощущение, что круг замкнулся.

Только на этот раз падение было ещё страшнее.

— Максим, — вижу, что сестра чем-то обеспокоена.

— Говори, — чувствую, ничего хорошего не ждёт меня в этом разговоре.

— У Саши проблемы.

— И что? Тебе выпала честь их решать? — язвлю сам, не зная, зачем.

— Ему деньги нужны. Максим, у него какие-то большие неприятности. Он задолжал каким-то бандитам.

— И что? — дальше задаю тот же глупый вопрос.

— Максим, я всё понимаю, ты его ненавидишь, но... Ему надо помочь. Я просто боюсь, что с ним что-нибудь случится. Как Саша объяснил, там... там страшные люди. Они его убьют! А я не хочу его потерять! Хочу быть с ним, хочу, чтобы ребёнок носил его фамилию, он же отец. Макс, ну у тебя же много денег. Дай мне! Я потом когда-нибудь с тобой рассчитаюсь. Мы вместе с ним рассчитаемся! — Настя начинает плакать, и, кажется, всё в моей голове складывается в нужную логическую цепочку.

— А если не будет денег, то что? Он откажется от тебя и от ребёнка? — не сдерживаюсь в своём вопросе, на который, как мне кажется, знаю ответ.

— Хочется верить, что нет, — шепчет, сама не желая верить в это.

— Давай его номер телефона.

— Зачем? — пугается.

— Я хочу сам с ним поговорить. Сколько денег ему надо и обсудить кое-какие другие вопросы.

— Но я и так знаю, сколько ему нужно. Он мне сказал. Ему нужно два миллиона.

— Сколько?! — окончательно взрываюсь. — Настя, ты с ума сошла? Почему я должен давать ему такие деньги?

— Значит, не дашь?

— Нет! — обрубая.

Она больше ничего не говорит. Просто разворачивается и уходит.

И, что странно, даже без привычной вспышки, без крика, истерики, которую я уже почти ожидал.

Именно это спокойствие пугает сильнее всего. В нём нет облегчения, нет принятия — только какая-то усталая пустота.

Я остаюсь один и ещё долго стою на месте, не зная, куда себя деть. В голове крутится один и тот же вопрос: что мне делать и как поступить правильно?

Помочь ему? Вмешаться? Отойти в сторону? Сделать вид, что это не моё дело?

Но как не моё, если речь о Насте и её счастье?

Я ведь всё понимаю. Не просто догадываюсь — чувствую кожей: она ему не нужна по-настоящему.

Не так, как должна быть нужна женщина, которая ждёт от него ребёнка. Не так, как нужна любимая.

Он смотрит на неё не как на человека, а как на возможность. Как на удобный проход к деньгам, к выгоде, к каким-то своим расчётам.

Теперь в моей голове всё встаёт на свои места: он ведь вернулся не потому, что осознал. Не потому, что любит. Не потому, что понял, какую боль причинил.

Он вернулся, потому что понял: через её любовь можно получить хорошие барыши.

И самое мерзкое в этом то, что я оказываюсь связан по рукам.

Если я откажу, если не дам ему того, на что он рассчитывает, он бросит её.

Просто уйдёт. Снова сольётся, исчезнет, снова оставит одну.

И она опять будет страдать. Опять будет плакать ночами, смотреть в одну точку, винить себя, искать в себе причину его подлости.

А если соглашусь — получится, что сам оплачиваю его мерзость. Сам кормлю его расчёт. Сам становлюсь частью этой грязной игры.

Кажется, этот урод снова загнал нас в тупик...

Глава 6

Зайдя в кафе, останавливаюсь у стойки бара, пытаюсь отыскать среди людей этого уroda. Ублюдок. Урод. Скот. Недочеловек. Я называю его теперь его только такими словами.

Не при Насте, конечно, но в мыслях только так. Иного обозначения в голове к этому человеку больше не признаю.

Место для встречи выбрал он. Под стать себе, полагаю.

Здесь шумно, воняет сигаретами и алкоголем.

Мне всегда казалось, что в подобных заведениях люди прячут от самих себя всё самое жалкое. Слабость. Одиночество. Непринятые решения. Глупые ошибки.

Чужие тела, чужие запахи, липкие столы, пьяные взгляды — всё это вызывает во мне отвращение.

Я не переношу такие заведения, но соглашаюсь на эту встречу. Мне уже всё равно где с ним встретиться, лишь бы решить вопрос его отношения к Насте раз и навсегда.

Правда, пока не знаю, какие вопросы я хочу ему задать, чтобы понять это. Но мне всё равно нужен этот разговор.

Мне хочется понять, почему он не включил мозги и не предохранялся. Ладно, она дурочка безмозглая, но он же старше!

Почему не предпринял никаких попыток не допустить этой ситуации?

В углу возле окна замечаю этого человека. Вальяжно раскинувшись на стуле, он сидит и смотрит в окно.

Замечая меня, с ухмылкой улыбается и кивает.

Он спокоен. Нет, не так. Он демонстративно спокоен. Будто всё происходящее — игра, в которой он заранее назначил себя победителем.

— Привет, — смотрит также нагло, как тогда, у родителей.

Меня трясёт, но стараюсь держать себя в руках. Однако чувствую, что долго не выдержу.

— Привет. Поговорим? — нам не нужны церемонии. Мы друг друга не переносим, и это чувствуется за версту.

— Поговорим, чего же не поговорить-то? — разваливается на стуле, будто ощущает себя хозяином положения.

Пусть потешится. В этом положении долго я ему находиться не позволю.

Я медленно сажусь напротив. Не потому, что принимаю его приглашение, а потому что разговор действительно нужен.

Мне нужно услышать всё своими ушами.

Мне нужно понять, с кем именно Настя связала свою жизнь.

С мужчиной, который хотя бы способен осознать последствия и взять на себя ответственность, или с самовлюблённой мразью, которой на всё наплевать.

— Скажи мне, только честно, ты знал, сколько ей лет? — спрашиваю я, наклоняясь чуть ближе. — Не ври только.

— Ну, допустим, знал. Восемнадцать уже есть? Есть! Тогда какие вопросы.

— Но ты же старше! Зачем ты сделал ей ребёнка? — спрашиваю я резко.

Он впервые отводит взгляд. Не от стыда. Нет. Скорее от скуки.

Смотрит куда-то в сторону, на проходящую официантку, на бутылки за стойкой, на отражение света в стекле.

Потом снова переводит глаза на меня.

— Случайно вышло, — признаётся, но ни капли сожаления в его голосе я не чувствую. — Не люблю резинки.

— Разговаривай нормально, без одолжения. И прошу без подробностей, — еле держу себя в руках, цедя сквозь зубы.

— А я с тобой и так нормально разговариваю. Не захотел бы, не разговаривал вообще, — рычит в ответ.

Я смотрю на него и понимаю, что он действительно так считает. Что сам факт его присутствия здесь — уже, по его мнению, великое одолжение.

Он пришёл. Сел. Разрешил задавать вопросы. Значит, все должны быть благодарны.

От этой уверенности меня почти выворачивает.

— Ты любишь её?

Он слегка щурится.

— Что? — вроде как даже удивляется.

— Ты слышал мой вопрос. Ты любишь её или ты вернулся только потому, что понимаешь возможность за счёт её любви решить свои денежные вопросы?

— Это похоже на допрос, — хмыкает и кивком подзывает к себе официантку.

Девушка замечает его жест и подходит почти сразу. Молодая, уставшая, с натянутой улыбкой.

Она смотрит то на него, то на меня и, кажется, мгновенно понимает, что столик лучше обслужить быстро и исчезнуть.

— Это попытка понять, что ждёт мою сестру впереди.

— Не твоя забота.

— Моя. Я её старший брат, и буду защищать её. Запомни это раз и навсегда. У тебя же самого сестра есть! А если бы с ней так поступили?

Он ничего не отвечает. Я вижу, что это сравнение не шибко трогает его душу.

Хотя теперь, глядя мне в глаза, я вообще не понимаю — умеет ли он чувствовать, переживать, беспокоиться.

— Не трогай мою сестру, — неожиданно отвечает мне. — Тебя это не касается.

— Тогда расскажи о моей. Какие у тебя планы насчёт ваших отношений?

— Деньги достанет, женюсь, — равнодушно бросает мне в лицо. Поразительно, но он даже этого не стесняется.

Официантка подходит, приносит ему пиво, и этот урод без смущения хлопает ей по задку.

— То есть, если денег не будет, она будет растить ребёнка одна? — я знаю ответ, но хочу услышать и от него. Так надёжнее. Уйдут последние иллюзии.

Но он не отвечает. Молчит и улыбается.

Смотрю на него и пытаюсь понять, что Настя вообще в нём увидела. Во внешности — ничего примечательного. Самое обычное лицо, каких тысячи.

Его одежда самая простая: затёртая футболка, поношенные джинсы, на запястье серебряная цепочка, на коже несколько татуировок.

Да, он высокий. Худощавый, подтянутый, стройный. На такого, может, и можно обернуться. Но влюбиться?

А ум? Воспитание? Принципы? Неужели для Насти всё это оказалось неважным?

Наверное, дело не во внешности. Скорее, в его манере держаться.

Самоуверенный, наглый, привыкший вести себя так, будто ему всё дозволено.

Девчонкам вроде моей сестры такие часто кажутся особенными. Им приятно, что на них смотрят парни старше. Лыстит, что их замечают, выделяют, воспринимают не как детей.

Вот и Настя, видимо, попала на это.

Думаю, сказались её неопытность, желание поскорее повзрослеть, стремление быть рядом с тем, кто старше, сильнее, увереннее.

С тем, кто не родственник, но почему-то кажется опорой.

Именно это и привело нас к тому, что мы имеем сейчас. Другого объяснения её чувствам я не нахожу.

Потому что для меня он всё равно остаётся мерзавцем. Настоящим. Без всяких оправданий.

— Отвечай! Я хочу знать твои намерения! — держусь из последних сил.

— Нет никаких планов. Сказал же, закроем вопрос по деньгам, так и быть, женюсь.

— То есть ты решил, что будешь доить меня как дойную корову, женившись на ней?

— У тебя денег много. Нет ничего зазорного, чтобы поделиться с родным человеком.

— Ты мне не родня и никогда ею не станешь.

— Плевать на меня. Сестре разве не поможешь? Как там... Семья, сплочённость, взаимопомощь, все дела! — я вижу, что его это всё веселит.

— Денег не будет.

Он, понимая, что ничего не выиграет теперь, перестаёт улыбаться.

— Нет денег, тогда пролёт по женитьбе.

Я и так на взводе, а теперь от его слов и условий, которые он ставит, у меня срывает «стоп-кран» и, не думая о последствиях, накидываюсь на него с кулаками.

Занимаясь спортом, я не был агрессивным. Тренер воспитывал меня в духе: бить только если нападают, а ты защищаешься.

Но сейчас я слетаю с катушек. Агрессия бьёт ключом, и я остервенело начинаю бить по его лицу.

Он падает, и я, воспользовавшись ситуацией, начинаю бить его ногами.

Этот ублюдок верещит как свинья, пытаюсь закрывать своё мерзкое ненавистное лицо, но я только распаляюсь от этого ещё больше. Мне нравился этот звук.

Мне нравилось бить его по телу, лицу и причинять ему вред. Я словно мщу ему за сестру через эту боль.

Чувствую, как кто-то хватает за руки и оттаскивает меня от него. Тварь, мало я тебе врезал. Пытаюсь вырваться, но меня держат крепко.

Замечаю, что рожу разбил ему знатно. Хоть так!

Предполагаю, что и рёбра я успел ему переломать, потому что он держится то за один бок, то за другой и сильно стонет.

А я ликую в этот момент и получаю колоссальное удовольствие от своего поступка.

Пожалуй, впервые в жизни я так сильно бил человека.

— Тварь! — выкрикивает он, вперившись в меня злым взглядом. — Урод! Ты за это ещё ответишь! Думаешь, я так всё оставлю? Да ни за что! Ну и семейка у вас: малолетняя дешёвка и братец — ненормальный!

От его слов меня снова захлёстывает ярость. Я рвусь к нему, хочу ещё раз ударить, но меня удерживают слишком крепко. Быстро понимаю: добраться до него снова мне не дадут.

Он пытается изображать смелость, с трудом поднимается на ноги.

Его ведёт в сторону, он качается, пару секунд будто решает, устоит или нет, а потом снова опускается на пол и прожигает меня ненавидящим взглядом.

Проходит несколько минут. Я пытаюсь выровнять дыхание, он — окончательно прийти в себя.

И вдруг этот мерзавец резко поднимается. Быстро, почти рывком. В два шага сокращает расстояние между нами и останавливается вплотную.

Смотрит прямо мне в глаза. Уже без прежней истерики, без страха. Спокойно, почти холодно произносит:

— Обещаю, ты пожалеешь. Ты ещё не раз обо мне вспомнишь. Клянусь, я сделаю так, что ты меня не забудешь.

Глава 7

— Настя, давай поговорим, — я хочу рассказать, что встречался с этим уродом и готовить её к тому, что он в ближайшее время расстанется с ней.

— Ну, давай, — расплывается в улыбке.

Я вижу — моя сестра счастлива. И глядя на её цветущий вид, не знаю с чего начать.

— Я встречался с ним. Он... Он не любит тебя. Ты должна понять, что ему нужны только деньги.

— Ты не прав, — крутит отрицательно головой и настаивает на своём. — Он всё осознал!

— Не думаю, сестрёнка, — понимая, что сестра не верит мне, на меня накатывает жуткая апатия. Я словно с ветряными мельницами борюсь.

— Вот увидишь! Даже если я скажу ему, что денег нет, он всё равно будет со мной. Он любит меня и нашего ребёнка.

Когда сестра говорит мне эти слова, я понимаю, что мне ничего не остаётся, как отпустить ситуацию на самотёк.

Какой её аргумент мне ей привести? Как доказать, что этот ублюдок просто использует её?

В конце концов, чтобы он не сказал ей в прошлом, он всё равно для неё самый лучший. А я, наоборот, самый плохой.

Сестра не слышит меня, и мне надоела эта борьба. Приставить свою голову я ей не могу, и значит, Насте самой придётся пройти свой нелёгкий путь.

Проходят месяцы. Мелкая заметно меняется: набирает несколько килограммов, лицо становится мягче, круглее, щёки — чуть пухлее.

Первое время после моего разговора с ним я каждый день жду, что он всё-таки сорвётся и бросит её.

Жду какого-то подвоха, резкого исчезновения, очередного удара, после которого Настя снова окажется разбитой.

Но ничего такого не происходит.

Она, наоборот, словно летает. Светится от счастья, улыбается без конца, ходит по дому с этим своим мечтательным видом, будто весь мир наконец-то встал на место.

Наверное, он всё же не оставляет надежды, что рано или поздно я сдамся, дам денег и помогу им решить его проблемы.

Другого объяснения его внезапной ответственности я пока не нахожу.

Родители же радуются, глядя на Настю. Особенно мама.

Она смотрит на неё так тепло, с таким облегчением, будто все наши страхи уже остались позади.

— Всё наладится, — шепчет она мне в очередной раз, когда я приезжаю к ним на обед. — Я уверена. Может, он и правда всё понял. Может, осознал.

Я больше не спорю с её выводами. И ничего не доказываю.

Не потому, что верю. Нет. Просто я устал.

В конце концов, ребёнок уже есть. Живот растёт. Настя счастлива. А дальше будем смотреть по обстоятельствам.

— Мам, давай больше не будем говорить про Настю и этого ублюдка, ладно? — прошу я, отодвигая тарелку. Как только речь снова заходит об этом ублюдке, аппетит исчезает сам собой. — Я за эти месяцы вымотался до предела. На работе завал, один заказ сменяет другой, всё без пауз и передышек. Я правда больше не хочу обсуждать этого человека. Он и так забрал слишком много сил.

Мама вздыхает. По её лицу вижу: не услышала. Или услышала, но всё равно не может остановиться.

— Я просто не понимаю, — тихо говорит она, глядя куда-то в сторону кухни, где возится Настя. — Неужели этот Саша действительно мог бы так просто отказаться от собственного ребёнка? Максим, ну разве нормальный человек способен так поступить с юной девушкой? Он же сам говорил, что у него тоже есть сестра. А если бы с ней так обошлись? Неужели ему было бы всё равно? Если бы она забеременела, а её бросили? Я уверена, он бы тоже за неё заступился. Тоже защищал бы.

Я молчу, хотя внутри всё снова неприятно сжимается. Не хочу об этом думать. Не хочу снова прокручивать в голове тот разговор, его наглую ухмылку, равнодушный голос, эту мерзкую уверенность в себе.

— Не очень в это верится, — наконец отвечаю я. — Она к нему переедет? — спрашиваю я, поднимая на маму взгляд. — Свадьба когда?

По сути, это единственное, что меня сейчас действительно интересует. Ведь рождение ребёнка не за горами.

— Не знаю, Максим. Настя говорит, что с животом замуж выходить не хочет. Она, как и любая другая, мечтает о белом платье, пышной свадьбе...

— Могли бы просто расписаться, а свадьбу сыграть после того, как придёт в форму.

— Я говорила, но Настя настаивает на торжестве после рождения ребёнка.

Всё это время моя сестра живёт то у него, то дома у родителей.

— Где ты живёшь? — не сдерживаясь спрашиваю её. — Ты то здесь, то там. Самой-то приятно болтаться туда-сюда?

— Не начинай, Макс. К Саше я перееду, когда рожу, — она счастлива. Я чувствую это по голосу в очередной болтовне по телефону.

— Вы с ним договорились об этом?

— Ну прямо так чтобы договориться не договорились, но это же логично!

— А куда вы к нему поедете?

— Сейчас он снимает однушку.

— А дальше?

— А дальше не знаю. Ребёнок родится, денег нужно будет больше. Снимать не получится. — Понимая будущую реальность, чувствую, как Настя сникает. Ну... если только ты не поможешь...

Молчу.

И она молчит. Ждёт.

Пусть ждёт. Я предупредил, что не буду спонсором их непонятной для меня жизни.

— Ну, как самый крайний вариант — у него трёшка в Марьино. Поедем туда, — заканчивает нехотя.

— Интересно, — сарказма скрыть не получается. — С родней его будете жить?

— Да, кажется, у него там мама и сестра ещё живёт.

— И ты хочешь сказать, что выдержишь жить с чужими женщинами на одной территории? — Теперь я искренне удивляюсь. — Настя, ты ли это? Ты же всегда считала, что тебе нужно личное пространство. Я же, как понимаю, вы будете жить втроём в одной комнате: ты, он и ребёнок?

— Я не думала про это.

В этом вся моя сестра. Сначала сказать что-то такое, от чего у любого взрослого человека волосы встанут дыбом, а потом обидеться, если ей задают уточняющие вопросы.

Как будто вопросы — это уже нападение. Как будто реальность сама по себе должна постесняться и подождать где-нибудь за дверью, пока Настя до неё морально дорастёт.

Но кроме этого, у моей сестры есть одно очень плохое качество: она привыкла, то за неё думают другие. Чаще всего я.

Через два дня мама написала, что у Насти начались схватки.

— Настя, мы встретим тебя, только напиши, когда, — набираю сестре.

— Нет, не надо. Не встречайте!

Вот сейчас я «завис».

— Почему? — спрашиваю, хотя уже чувствую: ответ мне не понравится.

— Саша не хочет видеть вас, — произносит она спокойно, даже не пытаюсь смягчить.

Будто говорит о чём-то совершенно обычном. Будто это нормально — вычеркнуть нас одним предложением.

— Но мы тоже часть твоей семьи.

— Теперь он моя семья, — резко отвечает она. — А вам там быть совсем необязательно.

И всё. Меня будто ударяют под дых.

Сильно. Внезапно. Без предупреждения.

Я на несколько секунд теряю способность говорить. Просто стою с телефоном у уха и пытаюсь осознать услышанное.

Вот так, значит.

Мы были рядом всё это время. Терпели её слёзы, страхи, капризы, бесконечные разговоры.

Поддерживали, помогали, прикрывали, успокаивали.

Родители ночами не спали, мама переживала до дрожи, я сцеплял зубы и молчал, чтобы лишний раз её не ранить.

А теперь семья — он. Тот, кто появился, исчез, снова появился и теперь решает, кому можно быть рядом с ней, а кому нет.

— Так и есть, — слышу на заднем фоне голос ублюдка.

Я сразу узнаю этот тон. Самодовольный. Наглый. Такой, от которого пальцы сами сжимаются в кулак.

— Саша передаёт тебе привет! Он как раз сидит рядом и везёт меня в больницу, — В трубке раздаётся его мерзкий смешок, а следом слова «передай привет братишке!».

Я закрываю глаза и делаю вдох. Один. Второй.

Пытаюсь удержаться, потому что сейчас не время. Настя на последних сроках, ей нельзя нервничать. Но этот человек словно специально давит на самые больные места.

— Саша говорит, что встретит меня сам! Да, Сашенька? — продолжает сестра уже почти мечтательно.

— Конечно же, милая! — Здесь же отзывается он приторно-ласковым голосом. — А потом поедет к твоим родным отпраздновать. Ведь мы: я и твой брат скоро станем родственниками! Станем, Максим?

И снова этот смех. Грязный. Издевательский.

— Ублюдок, — срываюсь.

— Максим! — слышу возмущённый голос сестры. — Прекрати! Ох, живот опять прихватило, — вздыхает в трубку.

В этот момент я понимаю: говорить дальше бессмысленно. Любое моё слово сейчас будет использовано против меня.

Любая попытка объяснить — превратится в очередную ссору. А ей нельзя. Не сейчас.

Я молча опускаю телефон от уха и сбрасываю вызов, даже не попрощавшись.

Смотрю на потемневший экран и впервые за всё это время признаю: возможно, на выпуск мне действительно ехать не стоит.

Если я приеду встречать вопреки её желанию в роддом, есть вероятность конфликта с этим недопапашей.

Настя мне этого не простит, будет переживать и, не дай Бог, у неё пропадёт молоко.

Она ведь так и не знает про наш конфликт в том кафе. Хорошо, что не сказал. Думаю, если бы узнала, разозлилась бы.

Но я всего лишь хотел ей добра, хотел защитить её.

Позже, через девять часов сестра написала мне, что я стал дядей, прислала фото маленького человечка и просила передать родителям, что они стали бабушкой и дедушкой.

Смотрю на фотографию малыша и у меня не укладывается в голове, что это ребёнок моей сестры.

Но мне придётся привыкать к переменам.

Не представляю, как она будет с ним жить, с его родней, по правилам новой семьи, где её желания вряд ли кто-то будет учитывать и спрашивать.

Как было в родительском доме, где: мама принеси-подай, Максим дай денег, папа отвези и привези туда-сюда, уже не будет.

Но, может, оно и к лучшему?

Эта мысль приходит не сразу. Сначала я злюсь. Потом обижаюсь.

Потом просто устаю — так сильно, что внутри будто выгорает всё лишнее.

Остаётся только пустота и какое-то глухое равнодушие, за которое мне даже стыдно.

Но я правда устал. Устал постоянно быть для Насти страховочной сеткой.

Устал подхватывать её каждый раз, когда она сама, не глядя, шагает в пропасть.

Устал объяснять очевидное, уговаривать, предупреждать, а потом всё равно разгребать последствия её решений.

Может, действительно пора ей встать на реальные рельсы этой жизни. Не на те, где всё за неё решают другие.

Не на те, где можно хлопнуть дверью, обидеться, спрятаться за чужую спину и ждать, что брат снова всё уладит.

Она стала матерью. Теперь у неё на руках ребёнок. Маленький человек, который зависит от неё полностью.

И, значит, ей пора взрослеть. По-настоящему. Без скидок на возраст, характер, беременность, нервы и эту вечную Настину бесшабашность, от которой у всех вокруг седеют волосы.

Хватит. Я больше не хочу быть главным ответственным за её жизнь.

Ты сама выбрала, сестрёнка. Сама решила, что теперь твоя семья — это он.

Сама отодвинула нас в сторону, сама сказала, что нам там быть необязательно. Значит, в добрый путь.

Живи с этим мужчиной. Доверяй ему.

Пусть он встречает тебя из роддома, пусть он покупает подгузники, пусть он не спит ночами, пусть он держит тебя за руку, когда страшно. Пусть теперь он будет тем, к кому ты побежишь за помощью.

А я... я отойду.

Но не потому что разлюбил. Нет. Настю невозможно разлюбить. Она моя сестра, моя маленькая, глупая, упрямая девчонка, которую я помню ещё с косичками, разбитыми коленками и вечным «Максим, помоги».

Однако, любить — не значит каждый раз бросаться вперёд и закрывать её собой.

Иногда любить — это отпустить.

Два дня я держусь за эту мысль, как за спасательный круг.

Не звоню первым. Не пишу.

Только отвечаю коротко, когда она присылает фотографию малыша или пару слов о самочувствии.

Родителям передаю всё спокойно, без подробностей.

Мама, конечно, переживает, спрашивает, когда выписка, кто встречает, всё ли нормально. Я отвечаю уклончиво, потому что не хочу снова поднимать эту тему.

Выписка должна быть сегодня.

Я знаю это. Помню дату. Хотя делаю вид, что не жду.

С утра пытаюсь занять себя работой, но получается плохо.

Телефон лежит рядом, экраном вверх. Я то и дело бросаю на него взгляд, злюсь на себя и снова отворачиваюсь.

В голове мелькают картинки: Настя с букетом, счастливый Саша рядом, ребёнок в конверте, фотографии у роддома.

Он улыбается в камеру, обнимает её за плечи, играет роль идеального мужчины.

Всё, как она хотела.

Я убеждаю себя в этом, когда телефон вдруг начинает вибрировать. На экране — «Настя».

Отвечаю почти сразу:

— Да?

На том конце несколько секунд тишина. Потом я слышу её дыхание. Неровное, сбившееся. И голос... Такого я не слышал никогда.

— Максим...

— Настя? Что случилось?

Она шмыгает носом. Где-то рядом глухо хлопает дверь, слышны чужие голоса, шаги, какой-то детский плач на фоне. Или мне кажется, что детский.

Я уже не понимаю.

— Забери нас, — говорит она тихо.

Всего два слова. Но от них у меня холодеют пальцы.

— Что? — я поднимаюсь с места. — Где вы?

— Я с малышом в коридоре сижу... там, где выписывают, знаешь? — голос дрожит, она будто старается не расплакаться, но выходит плохо. — У центрального входа.

Я уже хватаю ключи со стола.

— Настя, объясни нормально. Что произошло? Где Саша?

Она молчит. Это молчание отвечает лучше любых слов.

— Настя, — повторяю жёстче, хотя внутри всё сжимается. — Где он?

— Просто приезжай, — выдыхает она...

Глава 8

Бросаю все дела и лечу до роддома.

Я нахожу сестру в коридоре перинатального центра.

Она стоит у окна, прижимая к груди малыша, завернутого в светло-голубой плед.

Вокруг суетятся медсёстры, кто-то разговаривает по телефону, из соседней палаты доносятся плач ребёнка, но Настя словно не замечает ничего вокруг.

Она выглядит непривычно тихой. Бледной, измученной и какой-то отстранённой.

Мне кажется, будто после родов она похудела сразу килограммов на десять. Остались только острые плечи, впалые щёки и огромные глаза, в которых нет ни радости, ни облегчения.

— Привет, — говорю я, подходя ближе.

Она поднимает на меня глаза и едва заметно кивает. Ни улыбки, ни попытки обнять меня. Только усталый взгляд, который тут же скользит в сторону.

Я хочу спросить, что произошло. Хочу потребовать объяснений, узнать, где отец ребёнка и почему она выглядит так, будто не спала несколько месяцев. Но вижу малыша у неё на руках и понимаю, что сейчас не время устраивать допрос.

— Если хочешь, я могу его поддержать.

Настя молча передаёт ребёнка мне. Я беру его осторожно, почти не дыша. Он кажется совсем крошечным, лёгким и беззащитным.

Малыш шевелится под пледом, морщит нос и снова затихает. Я смотрю на его лицо и чувствую, как внутри всё болезненно сжимается.

Обратно едем молча. Сестра сидит, отвернувшись к окну.

Я несколько раз открываю рот, чтобы заговорить, но не нахожу подходящих слов.

В салоне повисает тяжёлая тишина. Только двигатель гудит, да малыш время от времени тихо сопит в детском кресле.

— Как зовут моего племянника? — начинаю непринуждённый разговор.

— Никак, — безразлично отвечает сестра, даже не поворачивая головы в нашу сторону.

— Не понял... Ты ещё не выбрала имя? Сомневаешься в выборе? Сейчас в основном Даниилы, Иваны. А ещё модно всякие интересные имена из прошлого давать, например, Яромир, Ярополк, Добрыня.

Я пытаюсь говорить легко, почти шутливо, но сестра остаётся неподвижной. Её отражение в зеркале кажется совершенно чужим.

— Нет, не выбираю имя, Максим. Думала, его отец выберет имя.

— Почему не выбрал? — я уже не скрываю свои раздражения. Но как-то надо держаться.

— А нет у него отца. Он окончательно от него отказался.

Дежавю! Я уже это слышал.

— Максим, я вижу, как тебе хочется задать мне вопросы. Но ты не спрашивай меня ничего, хорошо?

Я снова иду у неё на поводу. Но теперь уже не из-за неё, а из-за ребёнка.

Он, я уверен, будет чувствовать наш напряжённый разговор, и это будет нервировать его.

Привожу её домой к удивлённым родителям, она отдаёт своего сына маме в руки и уходит в комнату.

— Что случилось? — поворачивается ко мне мама.

— Я ничего не знаю.

И всё-таки никак не получается быть равнодушным. Я уверен, что нужно поговорить.

Может быть, ей нужна какая-то помощь, может поддержка. Я должен знать.

Иду за сестрой.

— Настя, давай поговорим. Объясни, что случилось? Вы опять поссорились?

— Макс, мы не просто поссорились. Это конец. Но я снова прощу тебя — дай мне немного времени прийти в себя.

Всё, теперь окончательно ясно: спрашивать её больше бесполезно. Ответы я буду искать у него.

Вытащу из него правду любым способом. Добьюсь, заставлю признаться, расскажет всё — что произошло, почему так вышло и до какой черты они дошли.

Во мне всё кипит. Ненависть, злость, презрение жгут изнутри, разрывают на части. А поверх этого тяжёлым слоем ложатся усталость, тревога за будущее и ноющая боль за сестру.

Главное — найти его. Я не знаю, чем закончится наша встреча и что именно она мне даст, но одно знаю точно: я его найду.

Спустя неделю мама снова звонит. Голос у неё потухший, измученный. Она почти умоляет меня приехать и поговорить с сестрой.

— Что случилось? — захожу в родительский дом и практически на физическом уровне чувствую, как здесь тяжело находиться.

Аура этого дома изменилась. И к сожалению, не в лучшую сторону.

— Я не знаю, что с ней делать. Она замкнулась окончательно. Настя отказывается кормить ребёнка грудью, не носит его на руках. Перестала вставать к нему по ночам. Представляешь, когда он плачет, Настя предпочитает не вставать к нему, а просто отворачивается на другой бок и продолжает лежать, словно не слышит его. Как будто и нет его в комнате.

— Вот ведь выдержка!

— Не то слово! Мы с отцом так не можем. Говорю ей: он младенец, он маленький, беспомощный, разве можно оставаться равнодушной!

— А она что?

— Отвечает: поорёт и перестанет. Только это и повторяет постоянно. Максим, несколько раз к нам приходили соседи. Они спрашивали, почему такой беспокойный ребёнок. Сынок, — начинает рыдать мама, — помоги!

Помочь? Чем?

Я молодой мужик без опыта в общении с детьми могу им помочь?

Первое желание — объяснить ей, что от меня мало помощи. Но глядя на её уставший и растерянный вид, я не могу отказать маме в его просьбе.

— Хорошо. Я перееду к вам на несколько недель. Я помогу с Матвеем и постараюсь поддержать Настю. Мы распределим обязанности по уходу за ребёнком. По очереди будем вставать к нему по ночам.

— Спасибо, — утыкается мне в грудь мама и продолжает плакать.

Я осторожно обнимаю её, глажу по спине и чувствую, как под ладонью вздрагивают её плечи.

Мне тяжело видеть её такой — растерянной, измученной, почти сломленной.

Ещё совсем недавно она старалась держаться, делала вид, что всё под контролем, а теперь плачет у меня на груди, будто больше не может скрывать, насколько ей страшно.

Я хочу сказать, что всё наладится. Хочу пообещать, что мы обязательно найдём ответы, что Настя придёт в себя, а этот человек понесёт ответственность за то, что сделал. Но не произношу ни слова. Потому что сам не знаю, чем всё закончится.

Я не могу вернуть сестре прежнюю жизнь. Не могу заставить её говорить, не могу стереть из её памяти всё, что причинило ей боль. Не могу даже понять, что именно произошло. И от этого бессилия внутри становится ещё тяжелее.

— Мам, чаю нальёшь? — чтобы сделать пару важных звонков, отвлекаю её на другую работу.

— Конечно, сынок.

Мама медленно отстраняется, вытирает лицо ладонью и уходит на кухню.

Я жду, пока за ней закроется дверь, а затем захожу в гостиную и прикрываю её.

Мне нужно сделать несколько звонков, но я не хочу, чтобы мама слышала наш разговор. Она и так слишком много переживает.

Достаю телефон, нахожу нужный номер и нажимаю на вызов.

Друг отвечает не сразу. Пока идут гудки, я смотрю на закрытую дверь и сжимаю телефон в руке.

— Ты нашёл его? — начинаю наше общение с главного.

— Нет. Пока нет. Он как в воду канул. Нашли только квартиру, которую он снимал с какой-то девицей.

— Девицей? — переспрашиваю, понимая, что речь идёт о Насте.

— Да. Какая-то Анастасия.

— Это моя сестра... — Друг замирает. — Ищи дальше.

В следующие несколько недель мы живём почти как чужие люди. Настя находится в доме, но словно отсутствует.

Она просыпается, кормит Матвея, переодевает его, а затем снова уходит в себя. Все заботы о ребёнке она выполняет машинально, без единой эмоции.

Делает всё необходимое, но не смотрит на него с нежностью, не улыбается, не разговаривает с ним.

Иногда мне кажется, что она вообще не воспринимает Матвея как своего сына.

Будто он напоминает ей о человеке, который бросил её, и поэтому каждый его плач причиняет ей боль.

Ярываюсь между работой и родительским домом и как можно чаще стараюсь не оставлять сестру одну.

Беру Матвея на руки, укачиваю, гуляю с ним, меняю подгузники и встаю ночью, когда он начинает плакать.

Мама тоже помогает, но я вижу, как быстро она устаёт. Ей приходится заботиться сразу о двух детях: о младенце и о собственной дочери, которая будто сама превратилась в беспомощного ребёнка.

А Настя всё больше закрывается. На вопросы отвечает односложно, почти не смотрит мне в глаза.

Если я спрашиваю, поела ли она, она пожимает плечами.

Если интересуюсь, спала ли ночью, просто отворачивается. Иногда она часами сидит у окна, глядя во двор, и не реагирует даже на плач Матвея.

Для меня эти недели превращаются в настоящий ад.

Я не выдерживаю её равнодушия по отношению к Матвею и предпринимаю очередную попытку поговорить с ней.

— Настя, не тебе одной тяжело. Я хочу тебе помочь. Прекрати закрываться от меня. Расскажешь, что случилось?

Сестра отрицательно крутит головой.

— Но так долго продолжаться не может! У тебя ребёнок, это не изменится, это надо принять и жить дальше. Если даже и не сложилось у вас с этим уродом, неужели тебе настолько наплевать на собственное дитё? А как же материнские чувства, Настя?

— Мне нечего тебе рассказать, Максим. Я знаю только одно: моя жизнь кончена, — вытирает слёзы.

— Прекрати! Она только начинается! Мало ли девушек в такой же ситуации было и будет. Ты не первая и не последняя.

— Мне так одиноко... — вытирает слёзы с глаз, а у меня сердце на разрыв.

— Ты не одна, у тебя есть мы.

Она кивает, делает вид, что соглашается, но я вижу, что мои доводы остаются неслышанными.

Глава 9

МЕСЯЦ СПУСТЯ

Настя стучится в мою комнату в тот момент, когда я, склонившись над ноутбуком, в третий раз перечитываю одно и то же письмо.

Смысл написанного ускользает. Цифры расплываются перед глазами, а от непрерывного гула мыслей начинает ломить виски. На экране мигает курсор, требуя ответа, которого у меня пока нет.

За то время, что я живу у родителей, выдохлись не только они, но и я сам.

Мне кроме помощи им ещё как-то нужно работать. Ведь на мне ответственность не только за себя самого, но за целую компанию.

Дверь приоткрывается, и в комнату заглядывает Настя. Она медлит, словно ещё не решила, действительно ли хочет начинать этот разговор.

— Максим, поговори со мной, — начинает она несмело.

Сестра садится на кровать и, как всегда, обнимает себя за коленки. Она с детства так делает, когда нервничает. Словно пытается стать меньше и незаметнее.

— О чём? — поднимаю на неё глаза и отвлекаюсь от работы.

— Я всё забывала спросить: ты встречался с... Сашей?

На несколько секунд в комнате становится совсем тихо. Даже шум работающего в коридоре телевизора будто отдаляется.

— Ты знаешь? — удивляюсь её осведомлённости.

— Знаю, братик. Знаю. Только не знаю — зачем?

Я откидываюсь на спинку стула. Подбираю слова, хотя ещё недавно был уверен, что без труда всё ей объясню.

— Всё просто. Мне хотелось понять, он любил тебя или нет и какие у него планы на вашу совместную жизнь.

— Узнал?

— Да. Будешь злиться из-за этого?

— Нет. Я тебя понимаю. Ты просто хотел меня защитить... — произносит Настя вслух, будто разговаривает сама с собой, а не со мной.

Мне не нравится её интонация. В ней нет благодарности и понимания.

Только попытка убедить себя, что моё вмешательство можно оправдать.

— У меня не получилось. Настя, давай обсудим, что произошло. Помоги мне понять тебя и его тоже. Он что-то сделал? Что-то сказал? Почему ты так закрылась? Что-то ведь произошло на выписке, я ведь чувствую. Скажи мне, — пользуясь моментом, что сестра открывается передо мной, быстро закрываю ноутбук и сажусь перед ней на корточки.

Я глажу её острые коленки и стараюсь говорить максимально ласково.

— Расскажи мне всё. Я постараюсь понять тебя.

— Не могу... Боюсь, что ты себя винить будешь... — говорит она шёпотом и смахивает слёзы с глаз.

— О чём ты? Я совершил ошибку? Где? Когда?

— Неважно. Я давно поняла: от меня только одни проблемы. — Она ненадолго замолкает и о чём-то думает. Смотрит в одну точку, практически не моргая. — Ладно... Думаю, так будет лучше для всех.

Чувствую, как она снова замыкается и закрывается от этого мира.

Уходит в ванную комнату и закрывается на замок.

— Насть, завтра я повезу тебя к психологу. Тебе нужна помощь специалиста, — стучусь к ней, но в ответ тишина.

От работы меня отвлекает Матвей. Он начинает плакать, и я, максимально сосредоточившись на нём, окончательно отвлекаюсь от работы.

Ладно, всё равно не получается ясно мыслить. Завтра наверстаю.

Вспоминая, что давно не звонил друзьям, набираю, чтобы задать им один и тот же вопрос:

— Ну что, нашли?

— Нет. Макс. Чуть не поймали его за шкурку, но он успел уйти. Приходил домой, капюшон на голове, очки чёрные, кепка. Оглядывался, торопился. Мне кажется, он понимает, что его пасут. И думаю, что не мы одни.

— Может тогда родственников потрясти. Вы же это умеете.

— Пробовали. Родственники молчат как партизаны. На слова «когда придёт снова» ответ один: «не знаем». Прессовать не хотелось бы. Там уставшая мать, да молодая сестра. Толку от них.

— А соседи?

— Соседей спрашивали. Они говорят, что он здесь набегами.

— Но домой, значит, всё-таки приходит? Может, мне самому попробовать поговорить с его матерью? По-доброму... — размышляю вслух.

— Не думаю, что ты узнаешь больше, чем мои ребята. Но, если хочешь, почему нет. Объясни, что с сестрой из-за него случилась беда. Может, пойдут на встречу и сдадут тебе его явки и пароли.

— Надо подумать, — тру устало переносицу.

Сил соображать уже почти не осталось. Я слишком вымотался.

Мне нужно проветрить голову.

Быстро собираюсь и ухожу из дома.

Пару часов брожу по району и думаю о том, как мы будем дальше жить.

У меня нет ответа на этот вопрос. Да и когда он появится — я не представляю.

Одно совершенно точно: если Настя не возьмёт себя в руки, всем нам будет тяжело.

Возвращаюсь в родительский дом и вижу, как моя мама кричит на Настю. Пожалуй, впервые в жизни:

— Настя, доченька, что ты творишь! — хватает её за плечи и трясёт.

— Что случилось?

— Настя пошла гулять с Матвеем... — захлёбывается в истерике мама, — и... и...

— И что?

— И отдала ребёнка какой-то женщине. Она вернулась домой одна.

Оглядываюсь по сторонам и действительно не вижу ни коляски, ни ребёнка.

— Где он? — Сам не понимаю, как тоже начинаю кричать.

— Я отдала... — мямлит Настя. — Он мне не нужен.

В дверь нашей квартиры звонят. Спешу открыть её.

На пороге стоит женщина и держит плачущего Матвея на руках.

— Простите... — она не успевает ничего сказать, как моя мама забирает у неё внука и начинает качать.

— Это ваш, да?

— Наш! — мы отвечаем с мамой одновременно. А Настя продолжает стоять истуканом.

— Она отдала мне ребёнка сама, — словно оправдывается женщина. — Я поняла, что у девушки что-то не в порядке, и последовала за ней.

— Спасибо, — шепчет моя мама и целует малыша.

Прощаюсь с незнакомкой и сажусь на пуф. У меня больше нет сил.

Поднимаю глаза на сестру и понимаю, что ей... плевать.

Плевать на то, что она только что сделала. Плевать на то, какие у этого поступка могли быть последствия.

Ей просто всё равно.

Именно в этот момент я прихожу к окончательному выводу, что самим нам не справиться. Насте нужна помощь специалистов и ждать до завтрашнего приёма не имеет смысла.

Закрываю глаза и набираю номер платной скорой.

У меня не осталось выбора. Точнее — Настя мне его не оставила...

— Максим, зачем вы вызвали врачей? — спрашивает меня через несколько часов сестра.
— Мне не нужен этот ребёнок. И помощь мне не нужна.

Я тут же наклоняюсь к ней.

— Настюш, если бы мы не вызвали скорую, было бы куда хуже.

— Чем? — поднимает на меня непонимающий взгляд.

— Ты хотела отдать своего ребёнка другой женщине, — тихо напоминаю ей, почему мы здесь.

— Ну и что? — продолжает она ровным, безжизненным голосом. — Это мой ребёнок. Что хочу, то с ним и делаю.

От её слов у меня всё сжимается внутри. Я так и не привык, что она настолько наплева- тельски относится к Матвею.

— Ты не права, — говорю как можно мягче и осторожно глажу её по голове. — Он твой сын, он тебя любит и нуждается в тебе. Ты его мама.

— У него может быть другая мама. Та, что будет его любить, — снова не соглашается со мной Настя.

— Всё наладится, вот увидишь, — пытаюсь перевести разговор в другое русло.

— Не нужно заговаривать мне зубы. Ты просто не можешь принять того, что этот ребёнок мне не нужен! — Вдруг резко перебивает она меня. Голос Насти становится громче, в нём появляются тревога и раздражение. — Сдайте в детский дом!

Настя вдруг начинает оглядываться по сторонам, а потом вдруг хватает меня за лацканы пиджака.

— Ты думаешь, я сумасшедшая? Но я не сумасшедшая! — чувствую, как истерика в её голосе набирает обороты. — Послушай запись. Дома на моём столе лежит телефон. Там всё записано.

— Хорошо, хорошо. Только не волнуйся, — я не понимаю, о какой записи идёт речь, но она дала мне ориентир, и мне этого достаточно. — Но ты мне тоже пообещай кое-что.

— Что? Если смогу, обязательно сделаю. Я же никогда тебя не подводила, правда?

— Конечно! Вот это правильный разговор, сестрёнка. Пообещай мне приложить все уси- лия, чтобы поправиться.

— Попробую. Максим, прости меня, — неожиданно бросается мне на плечи, начинает обнимать. — Я так виновата перед вами. Ведь вы меня предупреждали, а не слушала. Ты столько всего из-за меня пережил. Я думала, так будет легче, если я отдам его и уйду сама, понимаешь? Нет человека, нет проблем!

— Милая, прекрати, — прижимаю к себе как можно крепче, — всё пройдёт! Всё нала- дится! Ты только доверься врачам!

— Я буду стараться, — кивает. И от её такого согласия мне становится легче.

— Слушай специалистов, не перечь, не сопротивляйся! — снова кивает.

— Здравствуйте. Пройдёмте в кабинет, — приглашает меня и сестру врач.

Настя недоверчиво смотрит на доктора, а потом на меня. Вижу, что она не решается пройти за ним.

— Ну ты чего растерялась? Доктор тебе поможет. Обязательно! — говорю ей тихо на ухо, прижимая к себе, и целую в висок.

— Настя, если ты хочешь, мы можем поговорить все вместе. Но потом мы проводим твоего брата и займёмся твоим здоровьем. Как тебе моя идея? — дружелюбно спрашивает её врач.

— Хорошая, — очень тихо отвечает сестра и протягивает мне свою руку. Она всегда так в детстве делала, когда чего-то боялась.

Тяжело... Мне снова тяжело от мысли, что этот урод уничтожил её жизнь.

Когда она выйдет из этого состояния? Боюсь ни один врач мне точных дат не скажет.

— Ну вот и славно! — одобрительно кивает. — Доверься мне. Поверь, я тебе не враг. Ты должна помнить это.

— Вы осуждаете меня? — неожиданно спрашивает Настя у человека, которого видит от силы пять минут.

— Нет, с чего бы мне тебя осуждать? — совершенно искренне говорит ей врач в ответ.

— Спасибо, — кивает и громко выдыхает.

— Знаешь, — присаживается рядом. Догадываюсь: доктор даёт Насте возможность при-
выкнуть к ней. — Это на самом деле только страшно звучит: психиатрическая больница. Но ты должна помнить, что конкретно ты лежишь не среди психически больных людей, а среди людей, у которых проблемы.

— С головой... — перебивает Настя врача.

— Да, пусть будет так, — снова дружелюбно кивает ей. — А что, ты считаешь, с головой не может быть проблем?

— Раньше считала, что нет.

— Да, к сожалению наше общество именно так и думает. Но поверь мне, и голова, она тоже, бывает, заболевает. Только на самом деле нет в этом ничего страшного. Просто иногда организму, и в том числе и голове, надо помочь. Давай поможем твоей молодой головушке? — гладит сестру по волосам. — У тебя ведь сынок. Его растить надо.

— Ну, давайте попробуем.

— Иди, умойся и приходи. А я пока поговорю с твоим братом.

— Максим, не уходи, пока я не вернусь, — Настя поднимается со стула.

— Не уйду.

— Максим Ильич, — обращается ко мне доктор, как только сестра заходит в соседнюю дверь. — По первым предположениям я думаю у вашей сестры послеродовая депрессия.

— Это лечится?

— Конечно. Но вам нужно рассказать, что подтолкнуло её к тем действиям, которые она совершила.

— Если бы я сам знал... — мне стыдно признаваться доктору, что мы до конца сами не знаем, что случилось.

— Ладно, будем работать. Оставьте свой номер телефона и будем на связи.

— Доктор, обратите, пожалуйста, на неё особое внимание. Я очень вас прошу. — Мне как будто становится легче, что врач настолько адекватно отнеслась к сестре и поняла её проблемы.

— Не переживайте. Вы не первый, кто сталкивается с такими проблемами. Ко мне и мужа своих жён привозили, и братья сестёр. Братья, правда, реже, но тем не менее.

Моя сестра снова появляется рядом и садится на соседний от меня стул.

Снова тянет ко мне руку, и я снова сжимаю её.

Она улыбается, и я впервые за несколько месяцев по-настоящему улыбаюсь ей в ответ

— Настя, а чем ты любишь заниматься? — снова обращается к сестре врач.

— Я очень люблю рисовать, — оживает эмоциями на лице.

— Отлично!

— А можно мне принести сюда краски, и остальное?

— Конечно, — кивает одобрительно доктор.

— Какого формата? — прищуривается. — Мне большие нужны. Я природу люблю рисовать, знаете, где много мелких деталей, деревьев...

— Чем крупнее, чем лучше, — улыбается доктор и подмигивает мне. — Возвращаетесь домой, Максим. Вы устали, я вижу. С вашей сестрой будет всё отлично. Не сразу, но будет. Я обещаю.

Глава 10

ДАША

Сегодня мне исполнился двадцать один год, и мне всё ещё трудно это осознать.

Радуюсь ли я этому возрасту? Несомненно! Ведь чем старше я становлюсь, тем больше дверей открывает мне мой возраст.

Я успешно окончила третий курс университета, получила хорошие оценки и теперь могу со спокойной душой заняться поиском подработки.

Сейчас дополнительный заработок для меня особенно важен. Я должна помогать маме, чтобы закрывать кредиты.

Они не мои, но я о них думаю чаще, чем тот человек, который их на самом деле брал.

Я не питаю иллюзий, что мой доход сможет кардинально всё изменить. Но даже небольшой вклад лучше, чем ничего.

Из-за Саши мы оказались в огромных долгах, поэтому сейчас любая финансовая поддержка будет полезна.

Мы с мамой стараемся не затрагивать тему кредитов без необходимости, потому что я замечаю, как эти разговоры её расстраивают и заставляют во всём винить себя.

Кредит, оформленный по просьбе брата мамой на своё имя, стал серьёзной ошибкой. Но какой смысл вспоминать об этом сейчас?

Тот вечер я помню до мельчайших подробностей.

Саша пришёл к нам с цветами и конфетами и сперва завёл непринуждённую беседу. Он расспрашивал маму о жизни, интересовался её работой, а через несколько минут, наконец, перешёл к главному — ему понадобились деньги.

Я сразу догадалась об истинной причине его визита, хотя мама до последнего надеялась, что он пришёл просто навестить её.

Получив отказ, Саша не захотел с ним мириться.

Сначала он пытался переубедить маму, затем стал настойчиво упрашивать и даже требовать.

К моему удивлению, она не уступала. Тогда брат решил надавить на её чувство вины и перешёл к упрёкам...

— Когда я у тебя что-нибудь просил? — вспоминаю, как давил он на неё. — Ты мне и так в этой жизни ничем не помогаешь! А у меня столько проблем! Выручи! Я всё верну!

Материнское сердце... Надави чуть сильнее на жалость, и получишь то, что хочешь.

Именно так и поступил мой брат.

Мама сдалась. И теперь мы пожинаем плоды её мягкотелости.

С тех пор прошло несколько месяцев. И каждый из них от нервного напряжения был словно в тумане.

Мама каждый день ждёт, что у сына проснётся совесть и он отдаст долги.

А я совершенно точно знаю, что этого не случится.

Несколько дней назад Саша опять пришёл к нам и стал требовать денег.

Я не смогла промолчать и упрекнула его в том, что он снова втягивает маму в какую-то безрассудную историю.

— Закрой рот и не вмешивайся, — бросил он, схватив меня за горло.

— Саша, немедленнопусти её! — мама попыталась встать между нами. — Даша помогает мне выплачивать твои долги! Как ты можешь так обращаться с родной сестрой?

— Потому что она идиотка! Если я не отдам деньги, меня убьют! И тогда мне уже будет безразлично, есть у меня сестра или нет!

В конце концов, мама опять уступила, и на нас легло бремя ещё одного кредита.

Порой мне начинает казаться, что этот замкнутый круг не разорвётся никогда.

А если вдруг разорвётся, мой брат снова ворвётся в нашу жизнь и сделает её невыносимой.

Оглядываюсь по сторонам. Нищета... Приставы из квартиры забрали практически всё.

Но мне всё равно. Потому что я знаю: бесполезно бороться за вещи, всё равно всё заберут.

Да и стоит ли оно того?

Сегодня мы с Машей отправляемся на собеседование в кафе. Возможно, меня возьмут официанткой, и тогда я смогу приносить домой хотя бы немного денег. А о том, как совмещать работу с учёбой, подумаю позже.

— Ну что, мне позвонила управляющая, — вырывает меня из моих воспоминаний подруга.

— И? — Замираю, жду решения и практически не дышу.

— Нас берут! — говорит она заветные слова, и я готова прыгать на месте.

— Отлично. Это лучший подарок на день рождения!

Я понимаю, что мама вряд ли одобрит моё решение. И всё же считаю, что имею полное право самостоятельно распоряжаться своей жизнью.

— Я куплю себе новые сапоги и телефон, — мечтательно закатывает глаза Маша. — А ты, Даш? Что купишь ты?

— Не знаю, — поджимаю плечами. — Пока не думала.

Конечно, я вру. Думала. Но эти думы не про шмотки. Однако об этом подруге знать не обязательно.

— Как можно не хотеть себе новое платье? — закатывает демонстративно Машка глаза.

— Мы же девочки! А девочки всегда думают об обновлениях.

Я соглашаюсь с ней. Да, новое платье мне бы не помешало.

Но эта покупка маловероятна. У меня на эти деньги совершенно другие планы.

Глава 11

МАКСИМ

Её длинные тёмные волосы оттеняют яркую голубизну глаз, а обворожительная улыбка невольно притягивает мой взгляд.

Она удивительно красива... Трудно поверить, что эта девушка — сестра такого подонка.

На мгновение я забываю и о причине своего прихода, и о намеченной цели, позволяя себе просто смотреть на неё.

Глупо отрицать очевидное: она меня заинтересовала.

Однако симпатия не изменит моих планов. Я должен добраться до её брата, чего бы мне это ни стоило.

Нужно лишь найти способ завязать знакомство, заслужить её доверие и незаметно выяснить всё, что ей известно об этом мерзавце.

А пока я устраиваюсь за столиком в дальнем углу и наблюдаю за ней со стороны.

С посетителями она ведёт себя приветливо и доброжелательно, постоянно улыбается, старается выполнить каждую просьбу и при первой возможности помогает коллегам.

Удивительно, насколько они с братом разные... Её братец ни мне, ни моим родителям при встрече не улыбался.

Напротив, всем своим поведением оскорблял мою семью.

Впрочем, возможно, любезность девушки тоже всего лишь искусная игра, помогающая располагать к себе гостей и получать больше чаевых.

Кто знает... Я уже ничему не удивлюсь.

Впрочем, какое мне до неё дело? Она интересуется мной лишь как источник необходимых сведений.

Ребята сообщили, что её братец недавно вернулся домой. Уверен, мать и сестра прекрасно знают, где он теперь скрывается, но намеренно молчат и не выдают его посторонним.

— Желаете заказать что-нибудь ещё к пище и кофе? — симпатичная официантка уже не в первый раз за последние полчаса возникает возле моего столика, прерывая ход мыслей.

— Принесите ещё кофе, — безучастно произношу я, всем своим видом демонстрируя отсутствие интереса.

Я рассчитывал, что ко мне подойдёт Дарья, однако эта девушка всякий раз успевает опередить подругу.

— А вы, оказывается, любитель кофе. Я заметила: это уже вторая чашка за полчаса, — замечает она, постукивая карандашом по блокноту и хитро улыбаясь. — Может, хотите что-нибудь ещё?

А следом медленно проводит языком по пухлым губам, очевидно пытаясь привлечь моё внимание.

— Я попросил только кофе. Больше мне ничего не нужно, спасибо, — отрезаю холодно, недвусмысленно давая понять, что её кокетство не произведёт на меня никакого впечатления.

Разочарованно фыркнув, официантка разворачивается и направляется оформлять заказ. Я провожаю её взглядом и поворачиваюсь к окну.

Кофе давно остыл, но я почти не притронулся к нему. Впрочем, пришёл я сюда вовсе не ради него.

Снова смотрю в зал. Девушка, интересующая меня, стоит у барной стойки и о чём-то разговаривает с администратором.

Волосы собраны в высокий хвост, несколько выбившихся прядей падают на лицо. Она устало заправляет их за ухо, кивает и берёт с подноса две чашки.

Она направляется в мою сторону, но проходит мимо.

Я хочу остановить её и попросить принести мне какой-нибудь десерт, но не успеваю этого сделать, потому что возле меня снова оказывается её коллега.

— Ваш кофе, — теперь неприветливо произносит она, ставя чашку на стол, и собирается удалиться.

Однако, заметив оставленную мной сумму на чай, мгновенно смягчается. Недовольство исчезает с её лица, уступая место прежней игривой улыбке.

— Когда заканчивается ваша смена? — интересуюсь я.

— Вы хотите меня проводить до дома? — делает ошибочные выводы.

— Нет. Я просто хочу знать, во сколько закрывается кафе.

— А, это... В полночь.

— Спасибо, — спешу на выход, понимая, что больше нет смысла тратить здесь время. Нужно искать другие способы познакомиться с Дарьей.

Глава 12

ДАША

Начало лета выдалось совсем не таким, каким я его представляла: июнь принёс с собой холод и бесконечные дожди.

Будто назло, автобуса долго нет, и мне приходится идти домой пешком.

Я плотнее запахиваю куртку и осторожно переступаю через лужи, когда внезапно ощущаю чьё-то присутствие за спиной.

— Красавица, может, прогуляемся? — раздаётся мужской голос.

Оглядываюсь и понимаю, что это не ребята из нашего кафе.

— Нет, спасибо. Я тороплюсь, — отвечаю и тут же ускоряю шаг. Но незнакомец не отстаёт.

— Да брось, давай познакомимся! Со мной скучно не будет. Фигурка у тебя что надо, да и личико симпатичное. Я тебя пару раз в кафе видел. Ты ведь там официанткой работаешь?

Быстро киваю и продолжаю движение. Мне страшно, но я стараюсь не показывать свой страх.

— Стой! — резко командует он мне и хватает за капюшон.

Понимая, что я в опасности, делаю резкое движение и вырываясь, пытаюсь убежать.

— Помогите! — кричу во весь голос. Однако мой крик никого не привлекает. Рядом ни души.

Незнакомец, схватив за волосы резко на себя.

— Заткнись, дура. Иначе хуже будет! — грозно говорит мне в губы.

Но я не слышу его. Я кричу ещё громче.

Он тут же зажимает мне рот ладонью, а второй рукой начинает ощупывать мои бёдра, пытаюсь добраться до нижнего белья.

В этот момент мне становится так страшно, как не было никогда.

Машу руками, пытаюсь пинаться, но он тащит меня к какой-то стене, прижимает к ней и наваливается на меня всем своим весом.

Несколько минут и силы начинают покидать меня. Мысленно прощаюсь с жизнью, когда чья-то крепкая рука оттаскивает от меня нападавшего, и тот с глухим стуком падает на мокрый асфальт.

— Эй, мужик, ты чего? — слышу растерянную речь моего обидчика.

— Отошёл от неё, пока я тебя не убил.

— Она украла у меня деньги! — начинает врать несостоявшийся насильник.

— Я ничего у него не брала... Ничего не брала... — бессвязно повторяю я

Я не сразу понимаю, что происходит дальше.

Перед глазами мелькают мелькать быстрые кадры, где незнакомый парень уже валит моего обидчика на землю и яростно бьёт его кулаками по лицу.

Мужчина пытается закрыться руками и дальше что-то выкрикивает про деньги, но мой защитник его не слушает.

Смотрю на происходящее, опускаюсь на колени и захожусь в рыданиях.

Всё тело сотрясает крупная дрожь, и сердце бешено колотится в груди.

— Успокойся, — мой спаситель на секунду отвлекается и быстро смотрит в мою сторону. Но затем вновь поворачивается к мужчине и принимается избивать его ещё сильнее, пуская в ход не только кулаки, но и ноги.

В каждом его движении столько ярости, злобы и ненависти, что мне становится страшно уже не за незнакомца, а за лежащего на земле человека.

— Ты же убьёшь его... Остановись, — едва слышно произношу я. Но он меня не слышит.
— Ты меня слышишь? Прекрати! Пожалуйста! — Теперь уже собрав последние силы, кричу.

Парень, наконец, замирает. Тяжело дыша, он проводит рукавом куртки по вспотевшему лбу.

— Ты цела? — неожиданно спокойным голосом спрашивает он, хотя дыхание у него всё ещё сбито.

— Да.

— Поднимайся. Асфальт ледяной. Простудишься, — говорит следом как бы между прочим.

Опускаю голову на свои ноги и только сейчас понимаю, что действительно сижу на асфальте.

— А, да, спасибо, — спешно встаю, хотя ноги не слушаются.

Вид у меня, мягко сказать — неприглядный. Колготки порваны, коленки разбиты, а руки все в грязи.

— Я провожу тебя домой, — парень отходит от мужика и смотрит на свои руки. Они разбиты.

— Спасибо, не нужно. Здесь всего два двора, я сама доберусь.

— Я сказал, что провожу, — безапелляционно говорит мне, так и не повернувшись в мою сторону. — Или тебе захотелось новых неприятностей? Тогда я могу уйти.

— Нет. Конечно, нет, — поспешно отвечаю я.

Когда незнакомец поворачивается ко мне, я внимательнее всматриваюсь в его лицо и замираю.

— Кажется, я вас уже где-то видела...

— Да. Я тебя тоже. Сегодня я заходил в ваше кафе. Ты там работаешь официанткой.

— Да, работаю, — чувствую, как меня начинает трясти.

— Видишь, как тебе повезло, что я задержался и услышал твои крики. Даже представить страшно, чем всё могло закончиться, если бы меня здесь не оказалось...

Глава 13

Время несётся так быстро, будто его и вовсе невозможно удержать.

Уже прошло пару недель, как произошла та страшная история, но я не думаю о ней. Я думаю только об одном человеке — моём спасителе Максиме.

В тот день, когда он заступился за меня, мы почти не разговаривали. Он не пытался познакомиться ближе, не заводил беседу, не искал повода задержаться рядом.

Но, несмотря на это, мне всё чаще кажется, что именно встреча с ним изменила мою жизнь.

Будто ничего особенного и не случилось, но он занял все мои мысли и никак не выходит из головы.

Где бы я ни была — на работе, в транспорте, в магазине, — я постоянно думаю о нём.

Наверное, именно так и начинается любовь с первого взгляда. А в моём случае — с первого спасения.

Я невольно сравниваю его с отцом. Внешне они совсем не похожи, но в Максиме есть то же самое: сила, смелость, спокойная уверенность в себе.

А его зелёные глаза просто лишают меня рассудка.

В нём нет этой приторной юношеской самоуверенности, дешёвого позёрства и желания произвести впечатление. И именно эти качества притягивают меня к нему сильнее всего.

— Вы уже успели познакомиться? — недовольно фыркает Маша, когда Максим просит, чтобы кофе ему принесла именно я, а не она. — И когда только наша скромница всё успевает?

— Да, случайно.

— Даш, ты на него запала... — Маша не сводит с меня глаз, и я чувствую, как краснею.

— Ты ошибаешься, — пытаюсь отвернуться от неё, но уверена, она успела заметить изменение на моём лице.

— Нет, — цокает языком и прожигает меня глазами. — Такие скромницы не умеют держать чувства при себе, и на твоём лице всё видно, милая.

С тех пор как Максим спас меня, в кафе он появляется почаще. Но не так часто, как хотелось бы мне.

Он оставляет мне щедрые чаевые, я замечаю его взгляд на мне, но на открытый контакт не идёт.

Мы перекидываемся ничего не значащими фразами, и, пожалуй, на этом всё.

Но сегодня всё иначе. У меня наконец-то появляется возможность сказать ему «спасибо», и я не хочу упускать его.

— Это кофе за счёт заведения, — ставлю перед ним чашку.

— Хм. Зачем? — искренне удивляется он.

— Это моё... спасибо за то, что вы помогли мне в тот вечер.

— За кофе спасибо, но как подарок от тебя его не приму, — отодвигает от себя ароматный напиток.

— Почему? — не понимаю его отказа.

— Потому что я не пью кофе за счёт девушек. Я предпочитаю угощать их сам, — Максим сверлит меня взглядом, а у меня мурашки по позвоночнику бегут.

Хочу уйти, разворачиваюсь, делаю шаг, но Максим окликивает меня.

— Даша...

— А? — замираю.

— Может, встретимся сегодня?

— Что? — показалось, что я ослышалась.

— Встретимся? — снова спрашивает он.

— Я заканчиваю поздно, — отвечаю и почти сразу жалею о своих словах. Ведь он вполне может принять это за отказ.

Максим ничего больше не говорит. Он открывает портмоне, достаёт визитку и кладёт её на стол. А я наблюдаю за каждым его движением и не могу оторвать от него глаз.

Этот человек одновременно пугает меня и при этом притягивает.

Подобное чувство сложно объяснить: оно новое, непривычное, но от этого не менее приятное.

Меня тянет к нему, как кролика к удаву. Но при этом я почему-то всё время забываю, чем заканчивается для кролика желание подойти ближе.

— Здесь мой номер. Захочешь увидеться — позвони, и я приеду.

Я смотрю на небольшую карточку: «Максим Воронцов. Разработка языков программирования. Программное обеспечение и сопровождение».

А дальше номер телефона. И больше ничего лишнего.

Хочу ответить, что я готова встретиться, но не успеваю. Он поднимается и уходит.

Всю следующую неделю я не нахожу себе места. Хожу по квартире из угла в угол и снова, снова думаю о нём.

Его визитка всё время лежит у меня в кармане. Я уже давно выучила номер наизусть, но всё равно зачем-то ношу её с собой, будто это что-то меняет.

В кафе Максим больше не появляется, но я продолжаю ждать.

Самой решиться позвонить ему первой, оказывается, невероятно трудно. А посоветоваться как себя вести мне, по сути, не с кем.

Наверное, только если с мамой...

— Мам, — звоню я ей на работу. — Ты занята?

— Не очень. Что-то случилось, Даша? — в её голосе сразу появляется тревога. — Саша снова приходил?

— Нет-нет. Думаю, теперь он ещё не скоро объявится. Ты же знаешь, он вспоминает о нас только тогда, когда ему нужны деньги.

— Которых у нас, как всегда, нет...

— Мам, скажи, а как ты поняла, что папа — именно твой человек?

Между нами повисает длинная пауза, и я тут же начинаю жалеть, что спросила её об этом.

Ей наверняка станет интересно, почему я задаю такие вопросы, но рассказать о том, как мы познакомились с Максимом, я, конечно же, не смогу.

— Ты с кем-то познакомилась, дочка? — тихо спрашивает мама.

— Да. И я никак не могу разобраться в том, что чувствую. Он... словно магнит для меня. Я не могу нормально объяснить. Мне хочется видеть его, смотреть на него, быть рядом с ним.

— Ясно.

— Что ясно?

— Ты влюбилась, милая. — Мама сразу же понимает, что я чувствую. — Вы уже встречаетесь?

— Нет. Пока нет. Но он оставил мне визитку. Сказал, что если я захочу увидеться...

— А ты хочешь, — мама произносит это не как вопрос, а как уверенное утверждение.

— Хочу, — признаюсь я. Какой смысл обманывать её и саму себя? — Но я...

— Даша, не оправдывайся. В конце концов, тебе уже давно пора было влюбиться. Ты взрослая девушка, и это нормально — любить.

— То есть ты будешь не против, если у меня кто-то появится? — чувствую, как улыбаюсь. Мне важна поддержка мамы.

— Почему я должна быть против? — Искренне удивляется мама. — Даш, жизнь так скоротечна. Если он оставил тебе визитку, если ты сама этого хочешь, значит, позвони ему.

— Но как-то очень странно, если девушка звонит парню...

— Плевать на все условности. Подумай лучше о том, что может быть именно этот парень сделает тебя счастливой, и ты хотя бы начнёшь улыбаться.

— Спасибо, мам.

Кладу трубку и достаю визитку Максима. Снова верчу её в руках, не решаясь на звонок. Возможно, лучше написать сообщение? Но что я ему напишу?

Я никогда не писала ни одному парню первому. Однако мама советует взять и сделать.

«Привет. Это Даша. Девушка, которой ты спас жизнь:»)» — отправляю сообщение и жду ответа.

«Привет» — ответ прилетает практически сразу же.

Улыбаюсь, радуясь его ответу.

Что ещё спросить? Как дела? Но это банально.

И, скорее всего, я получу в ответ дежурную фразу «нормально».

«Занят?»

«Да».

Да... Звучит, как будто он не хочет со мной дальше переписываться.

Не зная, что ответить на это «да», и кладу телефон на стол.

Не успеваю пожалеть о том, что написала, как телефон вдруг снова тихо пиликает.

Я вздрагиваю и дрожащими пальцами снова беру его в руки.

«Даш, я не люблю переписываться. Давай лучше встретимся?»

Глава 14

МАКСИМ

Всю неделю мысли о ней не дают мне покоя.

Я сижу, укачиваю Матвея и, глядя в одну точку, вспоминаю её глаза. Светлые, прозрачные, словно озеро.

Смотришь в них — и незаметно идёшь ко дну.

Она действительно красивая, с этим не поспоришь.

Но разве красота имеет значение, когда в голове постоянно крутится только одна мысль: как мне найти и наказать её брата?

В кафе я больше не появляюсь: работы слишком много. Кроме того, я не хочу навязывать ей своё общение, пока не пойму, интересен ли я ей.

Я намеренно беру паузу, желая понять, проявит ли она инициативу. И к счастью, мой расчёт оказывается верным.

Она сама пишет мне сообщение, и я тут же, немедля, перехватываю инициативу на себя.

В воскресенье просыпаюсь со странным ощущением, будто упускаю в поисках этого ублюдка какую-то важную деталь. Вот только никак не могу понять какую.

Он словно сквозь землю провалился.

Но намеренно ли он затаился и решил спрятаться?

Мои парни сказали, что у него долги. То же самое я понял из разговора с Настей.

А это значит, вероятнее всего, ищу его не только я один.

Если это действительно так, в этом случае мне будет сложнее. Но я не намерен опускать руки.

Иначе нельзя. Я должен заставить его ответить за то, что он делает с моей сестрой.

Матвей начинает возиться в кроватке. Я смотрю на племянника, и злость понемногу отступает. Невольно улыбаюсь ему.

На душе сразу становится спокойно и тепло.

Детям гораздо легче, чем взрослым. Их печали быстро забываются, будто память сама стирает всё плохое, способное навредить им в будущем, и бережно сохраняет только светлые моменты.

Я очень надеюсь, что все мы сможем сделать его счастливым.

И хоть сейчас рядом с ним нет матери, всё равно я верю, что Настя обязательно поправится и примет этого ребёнка.

А как иначе? Материнский инстинкт никто не отменял.

Уверен, позднее она встретит хорошего парня, и жизнь наладится. Только рано пока об этом. Ей вылечиться надо.

Лечащий врач уверяет, что шансы на выздоровление у Насти высокие. У неё послеродовая депрессия, и лечение поможет ей выкарабкаться.

Главное, что сестра прислушивается к врачам и выполняет их рекомендации.

Мои мысли снова возвращаются к Даше. Она вызывает во мне слишком противоречивые чувства.

С одной стороны, я понимаю, что не имею права втягивать её в эту историю и использовать ради нужной мне информации.

С другой — я убеждаю себя, что цель оправдывает средства...

Как разобраться в себе, если я окончательно запутался?

Телефон в кармане издаёт короткий сигнал.

«Привет. Это Даша. Девушка, которой ты спас жизнь:)).»

«Привет».

«Занят?»

«Да».

Вероятнее всего, она растеряется от такого ответа. Но я пишу одно-единственное слово только потому, что сам хочу предложить ей вариант, от которого она вряд ли откажется:

«Я не люблю переписываться. Может, лучше встретимся?»

Начинаю прикидывать, куда можно её пригласить, но Даша опережает меня.

«Хорошо, давай. Завтра я свободна. Если хочешь, можем, погулять в парке».

«Договорились. Адрес я помню. Выходи завтра в шесть».

Ухмыляюсь. Надо же, парк...

Обычно девушки, понимая, что я не бедный парень, ждут от меня приглашения в ресторан. А эта девушка предлагает обычную прогулку.

Любопытно.

На следующий день я то и дело поглядываю на часы, чтобы не опоздать на встречу.

Подъезжаю даже чуть раньше назначенного времени.

Увидев её в условленном месте, я на несколько секунд теряюсь.

Признаться, я ждал, что Даша будет одета более откровенно. Но я ошибся.

Навстречу мне идёт милая девушка с естественной красотой и такой искренней улыбкой, что на мгновение я забываю об истинной причине нашей встречи.

На Даше лёгкое струящееся платье, которые прикрывает колени и ничего лишнего. Ни кричащей бижутерии, ни дорогой сумки.

Волосы аккуратно собраны в косу. Никакой сложной причёски, залитой лаком, и толстого слоя косметики на лице.

Всё в ней выглядит просто и естественно.

Глядя на неё, я невольно сразу же вспоминаю Настю. Моя сестра, наоборот, стремилась выглядеть старше своих лет.

— Привет, — улыбается и краснеет.

— Привет. Рад видеть тебя, — смотрю на неё и боюсь признаться самому себе сейчас, что реально рад этой встрече.

— Я тоже рада видеть тебя, — смущается.

А дальше всё происходит как-то слишком естественно. Мы гуляем, болтаем о погоде, о природе, об увлечениях.

Затем идём в небольшое кафе, где отлично готовят мясо.

Она рассказывает мне про свою учёбу, работу.

Но мне это, конечно, совсем неинтересно. Я хочу иметь информацию совершенно о другом.

Я не знаю, как подвести к главному, и потому начинаю издалека.

— Расскажешь немного о себе? — перехожу к интересующей меня теме после того, как мы успеваем обсудить всякие пустяки

— Расскажу. Но потом и ты поделишься чем-нибудь о себе, договорились?

Я соглашаюсь.

— Даже не знаю, с чего начать... — Даша на несколько секунд задумывается. — Ничего интересного в моей жизни не происходит. Учёба, работа, постоянная суета. В последнее время почти все силы уходят на работу.

— Наверное, совмещать непросто?

— Есть такое... — на её лице появляется печальная улыбка. — А когда начнётся учебный год, станет ещё тяжелее.

Она устремляет взгляд куда-то вдаль и замолкает, погружаясь в собственные мысли. Похоже, делиться ими со мной ими она совершенно точно не собирается.

— Зачем тогда так надрываешься? Денег не хватает? — продолжаю расспрашивать её, стараясь казаться просто любопытным. — На новый телефон копишь? Или на планшет? Может, мечтаешь о дизайнерской сумочке?

Последнюю фразу произношу с улыбкой. Обычно девушки мечтают только о таком.

Я ведь не первый день живу и знаю, чего хотят женщины.

— Нет, ничего не угадал, — она качает головой. — Я совсем не гонюсь за модой. У меня и телефон не последней модели, и одежда без известных логотипов. Так что работаю не ради этого.

— Тогда ради чего?

— Неважно, — тихо отвечает она, опуская глаза.

Теперь Даша старательно избегает моего взгляда. Но я совершенно точно вижу, что её настроение портится.

— Ты стала грустной... — задумчиво произношу я. — Почему? Расскажи. Мне действительно интересно, — не отступаю.

— Хочу закрыть кредит и помочь маме расплатиться с долгами. Она занимала деньги на ремонт квартиры.

— Закрыть мамины кредиты? — даже не могу скрыть своего удивления. — Но разве у твоей мамы нет мужа? Обычно такими проблемами занимается мужчина.

— Папы не стало несколько лет назад, — Даша говорит это совсем тихо, но всё равно слышу.

Она смотрит на свои руки, а точнее, пальцы, которые нервно теребят салфетку.

Только сейчас, когда она говорит про то, что папы не стало, я вспоминаю, что ребята уже говорили мне об этом.

Но эта деталь вылетела из головы.

— Прости, — говорю совершенно искренне.

— Тебе не за что извиняться. Ты ведь не знал.

Она снова поднимает на меня глаза и пытается улыбнуться, а я, как последний дурак, не могу отвести взгляд от её лица.

Нет, даже не так. Я не могу отвести взгляда от её губ.

— Вы живёте вдвоём? Или у тебя есть братья, сёстры? Мама так и не вышла замуж?

— Нет. А из братьев и сестёр... Есть брат, но...

Она снова не торопится рассказывать, что дальше, а я всё больше нервничаю.

Что за ерунда. Почему каждое слово приходится из неё вытягивать через допрос.

— Вы не общаетесь? — осторожно подсказываю я.

— Можно и так сказать. Мы не ладим, — резко отвечает она, давая понять, что не хочет развивать эту тему.

— Почему?

Со стороны я наверняка выгляжу человеком, которому просто любопытно. Но на самом же деле её ответ меня неприятно цепляет.

Плохие отношения между Дашей и братом способны разрушить весь мой план.

Однако такого поворота я не предусмотрел.

— Максим, хватит о семье! — неожиданно резко говорит девушка. И я, если честно, даже теряюсь от смены её тона.

Хм, а девочка с характером? Плевать! И ни таких обламывали.

— Ок. Это просто светская беседа, — пожимаю плечами и стараюсь казаться равнодушным.

— Я не хочу это обсуждать. Давай больше не будем говорить о родственниках, хорошо? Тем более с братом я уже давно не общаюсь.

Мне кажется, Даша говорит не всю правду.

Она утверждает, что давно не поддерживает связь с братом, однако её слова расходятся с информацией, которую собрали ребята. По их данным, он приходил совсем недавно.

И доверять я склонен именно им. У моих людей нет причин что-либо выдумывать или искажать — они лишь сообщают мне то, что удалось узнать.

— Кофе? — иду на уступки и напоминаю, что мы на свидании.

— Нет, спасибо. Слишком поздно для него. Лучше чай.

Киваю и подзываю официанта. Он приносит нам чай, но я даже не притрагиваюсь к нему.

Я внимательно наблюдаю за Дашей, стараясь угадать, что она сейчас чувствует.

Между нами повисает ощутимое напряжение.

И дело не только в том, что девушка упорно не желает впускать меня в свою жизнь. Есть ещё что-то, чего я пока не могу понять.

Некоторые детали никак не складываются в единую картину, но продолжать расспросы нельзя. Если стану давить, она окончательно закроется.

Поэтому осторожно перевожу разговор на другую тему. Сейчас главное — не вызвать у Даши подозрений и не оттолкнуть её от себя.

Глава 15

ДАША. НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ.

Отношения с парнями у меня никогда не складывались.

Мне постоянно попадались или сыночки – корзиночки или слишком самоуверенные придурки, которым от меня требовалось лишь одно.

Но Максим, как мне кажется, совсем другой.

Он не лезет ко мне с приставаниями, старается удивлять меня, и никогда не намекает на то, что за это внимание я ему что-то должна.

Я жду каждой встречи с ним.

Я наслаждаюсь каждой минутой рядом с ним.

Внезапно понимаю, что уже и не помню, когда в последний раз чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Я сейчас, скорее из тех, кто просто плывёт по течению своей непростой и никчёмной жизни, смирившись с мыслью, что мне ещё много лет выбираться из долгов.

Когда мы встретились с Максимом в парке, в какой-то момент мне показалось, что у нас ничего не получится.

Когда он заговорил о моей семье, я растерялась и почувствовала стыд.

Глядя на него, мне нетрудно догадаться, что он в отличие от меня из обеспеченной семьи.

И когда он начинает расспрашивать меня о семье, я просто не знаю, что ему рассказать.

Правду? Но она не такая, чтобы о ней говорить.

Ведь всё, что я могу ему рассказать — это то, что лето в самом разгаре, а в моём гардеробе всего два платья.

О том, что у меня нет отца, а мама от навалившихся проблем и бед выглядит гораздо старше своих лет.

А ещё я могу рассказать о брате — мерзком человеке, которого я всей душой ненавижу...

Мне было стыдно признаваться в этом. И в итоге пришлось слегка нагрубить.

Когда Максим расспрашивал обо мне и моей семье, мне казалось, что для каждого из нас этот разговор имел разное значение.

Максим не подозревал о моих проблемах и, скорее всего, задавал вопросы лишь из обычного любопытства.

А мне совсем не хотелось откровенничать: воспоминания о собственной жизни причиняли лишь боль и разочарование.

Да и могло ли быть иначе? Мне совершенно нечем гордиться.

Мы с мамой жили очень скромно. В нашем доме уже давно не появлялись ни сладости, ни фрукты, ни даже свежие овощи.

Совсем недавно мне пришлось краснеть перед моей подругой Мирой, которая пришла в гости вместе с маленьким сыном. Я заварила чай, а вместо угощения поставила на стол банку варенья.

Мальчик очень удивился, узнав, что других сладостей у нас нет.

— А конфет разве нет? — простодушно спросил он.

— Нет, — резко ответила Мира, заметив моё смущение. Затем смягчила голос и, сочувственно взглянув на меня, добавила: — Попробуй для разнообразия варенье.

— Mam, а разве можно жить без конфет? Тётя Даша, хочешь, я в следующий раз принесу свои? Вместе поедем.

— Конечно, хочу, — ответила я, украдкой смахивая набежавшую слезу.

С тех пор Ваня уже трижды прибежал ко мне и протягивал конфеты.

Я была уверена, что это Мира передавала их через сына, потому что сама стеснялась предложить помощь напрямую.

Но даже за такую деликатную заботу мне было бесконечно стыдно перед ней.

Погрузившись в воспоминания, я не заметила выбоины в асфальте. Нога подворачивается, и я лечу.

Но не носом в асфальт, а прямо в руки Максиму.

— Осторожнее, — говорит он мне, обнимая меня за талию.

Медленно поднимаю глаза и встречаюсь с его глазами.

Он внимательно смотрит мне в лицо, словно пытается понять, испугало ли меня его неожиданное прикосновение.

Но в его глазах нет ни равнодушия, ни привычной мужской самоуверенности.

В них читаются искренний интерес, волнение и едва сдерживаемое желание не останавливаться на этом случайном объятии.

Его рука всё ещё лежит на моей талии, надёжно удерживая меня рядом.

Я чувствую исходящее от него тепло, и от этого простого прикосновения сердце начинает биться так часто, что, кажется, Максим наверняка слышит его стук.

Наверное, мне следует поблагодарить его за помощь, осторожно высвободиться из объятий и сделать шаг назад.

Но я не хочу.

Напротив, мне хочется придвинуться ещё ближе, прижаться к нему и хотя бы ненадолго забыть обо всём на свете.

Я замечаю, как его взгляд скользит по моему лицу и на мгновение задерживается на губах. От этого внутри всё замирает.

«Поцелуй меня», — кружится единственная мысль, бесконечно повторяющаяся в моей голове.

Я не решаюсь произнести эти слова вслух, однако, кажется, они написаны у меня на лице.

Максим будто слышит мою безмолвную просьбу.

Он медленно наклоняется ко мне, оставляя возможность отстраниться.

Но я остаюсь на месте и лишь сильнее сжимаю пальцами ткань его рубашки.

В следующее мгновение его губы касаются моих.

От этого поцелуя мысли смешиваются, а окружающий мир словно перестаёт существовать.

Я больше не слышу шума улицы и не замечаю прохожих. Есть только его мягкие, тёплые губы и удивительная нежность, от которой у меня слабеют колени.

Сначала Максим целует меня осторожно, почти невесомо, словно боится напугать или перейти невидимую границу. Он будто ждёт моей реакции и спрашивает разрешения без единого слова.

И я отвечаю ему.

Несмело подаюсь навстречу и закрываю глаза, позволяя себе полностью раствориться в этом мгновении. Почувствовав мой ответ, Максим становится увереннее. Его объятие делается крепче, а поцелуй — глубже и настойчивее, но всё ещё остаётся бережным.

По телу пробегает горячая дрожь. Мне хочется вновь и вновь ощущать прикосновение его губ и оставаться в этих объятиях как можно дольше.

Я знаю Максима совсем мало. Возможно, мне следовало бы проявить осторожность, остановиться и вспомнить обо всех своих страхах. Но сейчас я не хочу думать о последствиях.

Я позволяю ему целовать меня, потому что сама так хочу.

МАКСИМ

Я и сам не понимаю, почему вдруг решаю её поцеловать. Я ведь не хотел торопиться.

Но это желание возникает настолько внезапно, что сопротивляться ему я не могу, а главное — не хочу!

Я пользуюсь моментом, да. Но я уверен, что наши мысли одинаковы.

Ещё мгновение назад Даша едва не падает, а теперь я удерживаю её за талию и ощущаю тепло её тела.

Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами, и в её взгляде смешиваются растерянность, смущение и затаённое ожидание.

Мой взгляд невольно опускается к её губам.

Я осторожно касаюсь ладонью щеки Даши и убираю выбившийся из косы локон.

Её кожа пылает от румянца, согревая мою руку, и в этот момент я отчётливо понимаю, что никогда прежде мне не хотелось поцеловать девушку так сильно, как сейчас хочется поцеловать Дашу.

Рядом с ней всё кажется совершенно новым и неизведанным.

Я медленно наклоняюсь к ней, всё ещё оставляя возможность отстраниться. Но Даша не делает этого.

Сначала я касаюсь её губ осторожно, почти невесомо, боясь напугать своей поспешностью. Она на мгновение замирает, словно не знает, как поступить, но затем постепенно расслабляется в моих объятиях и робко отвечает на поцелуй.

От её несмелого движения внутри меня всё переворачивается.

Я обхватываю её лицо ладонями и продолжаю целовать — то нежно и бережно, то увереннее и настойчивее.

Мне совсем не хочется отпускать Дашу и заканчивать этот поцелуй. Кажется, я могу бесконечно ощущать мягкость её губ и чувствовать, как постепенно исчезает её скованность.

Однако спустя несколько мгновений разум всё-таки напоминает мне, что нельзя окончательно терять контроль.

С огромным трудом я заставляю себя остановиться.

Какая же она нежная... И вместе с тем удивительно страстная.

— Сладкая... — выдыхаю я слово, с неохотой отрываясь от её губ.

Это единственная ассоциация, которая приходит мне в голову, когда я думаю об этой девушке.

И я понимаю, что не вру и не преувеличиваю свои ощущения. Потому что после поцелуя с ней мне действительно невероятно сладко.

Глава 16

СПУСТЯ ТРИ НЕДЕЛИ

Наши встречи случаются всё чаще, и каждый день я звоню ей сам, с надеждой увидеться. И теперь уже дело даже не только в её брате. Дело в ней самой.

Я не знаю, как справиться со своими эмоциями и желаниями, которые испытываю рядом с Дашей.

В мои планы не входило увлекаться этой девушкой, но всё идёт не так, как я запланировал.

Её манящие губы лишают меня рассудка. Боюсь, однажды самообладание окончательно мне изменит — я увезу её к себе и сделаю своей без остатка.

По-хорошему мне следовало бы остановиться, но Даша отвечает на каждую мою ласку, и это окончательно лишает меня самообладания.

В моих руках она словно робкий бутон, который медленно раскрывается, превращаясь в прекрасный цветок.

Она с такой трепетной искренностью откликается на мои прикосновения, что меня начинает злить реакция собственного тела на эту девчонку.

Я не хочу испытывать к ней ничего подобного, но испытываю.

Когда я целую её, она неизменно закрывает глаза. А я, наоборот, продолжаю смотреть на неё, стараясь навсегда запомнить этот чистый, неподдельный отклик.

Я хочу Дашу. Хочу так сильно, как не хотел ни одну из девушек прежде.

Но мне нельзя поддаваться этому желанию, потому что это увлечение девушкой грозит разрушить всё, что я задумал в отношении её семьи.

Именно поэтому я всё чаще возвращаюсь к тяжёлым воспоминаниям о Насте и только тогда снова начинаю чувствовать под ногами твёрдую землю.

Даша о брате ничего не рассказывает. Она по-прежнему старается избегать темы семьи, чем сбивает меня с намеченной цели.

Теперь, когда я ни на миллиметр не продвинулся в своём поиске, я начинаю понимать, что выбрал неправильный путь. Даша не поможет мне в вопросе поиска её брата.

Когда я снова думаю о её брате, я никак не могу понять, как дети, выросшие у одних родителей настолько разные?

Ладно, хватит о нём. О нас нужно подумать. При сложившихся обстоятельствах пора завязывать с этими отношениями, даже если я сам этого не хочу.

У меня нет выбора, потому что в чувствах с Дашей притворяться становится всё сложнее.

Ведь чем больше узнаю её, тем тяжелее обходится мне эта внутренняя борьба.

Лучше сосредоточиться на поисках и попытаться узнать всё через Настю. В последнее время она всё чаще сама заговаривает об отце своего ребёнка, а я внимательно слушаю, стараясь не упустить ни одной детали.

Недавно лечащий врач позволил мне на несколько часов привезти сестру домой.

Тогда я больше всего я волновался из-за её встречи с ребёнком.

Боялся, что Настя испугается, растеряется или совсем не захочет к нему подходить. Однако всё прошло гораздо спокойнее, чем я предполагал.

— А Матвей где? — неожиданно спросила она, когда я проводил её в соседнюю комнату.

— Он у родителей, в их спальне, — ответил я, чувствуя, как от волнения сердце начинает биться быстрее.

— Я могу его увидеть? — она смотрела на меня с такой надеждой в глазах, что я даже на миг растерялся.

— Конечно. Если ты сама этого хочешь, — поцеловал сестру в висок и открыл дверь в родительскую спальню.

Я вёл сестру к сыну на дрожащих ногах. Глядя, с каким интересом она посмотрела на сына в моей душе зародилась надежда на будущее.

Мы подошли к детской кроватке, Настя остановилась рядом и долго молча смотрела на малыша.

Я решил выйти, чтобы не мешать им, но сестра вдруг схватила меня за руку.

— Не уходи, пожалуйста. Я пока... боюсь оставаться с ним наедине. Вдруг он заплачет.

— Хорошо, я останусь, — я был готов согласиться на что угодно, лишь бы Настя осталась пообщаться с сыном. — А если он вдруг заплачет, не теряйся и постарайся его успокоить. Ты ведь его мама, он обязательно это почувствует.

— Мама... — задумчиво повторила Настя.

Не знаю, какой смысл она вкладывала в это слово, но взгляда от Матвея больше не отводила.

— Можешь взять его на руки, покачать. Только если сама захочешь, я не заставляю. Сейчас ты нужна ему больше всех. Рядом с мамой малыши обычно быстро успокаиваются.

Настя осторожно коснулась крохотной ладошки и принялась бережно перебирать пальчики сына.

— Он так сильно вырос, — прошептала она. — Максим, я ведь совсем ничего не знаю о детях.

— Ничего страшного. Почитай литературу, интернет, статьи всякие. Не всё так страшно, со временем привыкнешь.

Сейчас, вспоминая эту недавнюю встречу матери с сыном, я начинаю думать, что смог бы попытаться построить с Дашей отношения не через ненависть к её брату, а только на основе наших с ней чувств.

Конечно, в это мне верится слабо, но я хочу думать, что такое возможно.

Доктор говорит, что Настя выкарабкается из этого состояния, и возможно, через несколько месяцев даже не вспомнит про то, что она лежала в отделении лечения неврозов.

Возможно, именно после того, как всё забудется, мы попробуем с Дашей начать всё снова, без этой лжи и ненависти к её семье. Но пока рано об этом думать.

Сейчас я должен разорвать с ней связь, иначе я не вылезу из этих отношений без потерь.

Глава 17

ДАША

— Улетай со мной за облака, и пусть твоя рука останется в моей, — тихонько напеваю я, поднимаясь по лестнице после очередного свидания с Максимом.

Теперь мы видимся почти ежедневно. Стоит появиться свободной минуте, как я спешу к нему.

Никогда прежде мир не казался мне настолько прекрасным, и я не хочу терять ту близость, что появляется между нами всё больше.

Постепенно я начинаю доверять Максиму свою душу. Незаметно для себя рассказываю ему о сокровенных желаниях, мечтах и планах на будущее.

Оказывается, между нами немало общего. Мы разделяем общие интересы, одинаково смотрим на многие вещи и будто чувствуем рядом друг с другом на одной волне.

Касаюсь пальцами губ, вспоминая, как совсем недавно он меня целовал. М-м-м, не знаю, есть ли на свете что-то приятнее, чем его поцелуи.

Мурашки бегут по коже, но как только я переступаю порог нашего дома, всё заканчивается.

Открывая дверь нашей квартиры, в нос ударяет резкий запах валерьянки.

От растерянности я впадаю в неожиданный ступор.

Вместо того чтобы зайти в комнату мамы, я замираю и прислушиваюсь.

Понимаю, что как раз из её комнаты доносится странный звук, похожий на приглушённые рыдания.

— Мама, что случилось? — испуганно зову я. Нахожу её всю в слезах и сразу опускаюсь перед ней на колени.

— Ничего доченька, — спешно начинает вытирать слёзы с глаз.

— Ну как ничего, если ты плачешь. Что это? — замечаю в её руках какую-то бумагу.

Мама сдаётся. Он протягивает мне документ и опускает виноватые глаза.

— Прости меня, дочка. Это я во всём виновата.

— Мам, что случилось? — повторяю свой вопрос.

— Какой-то мужчина приходил. Представился юристом и сказал, что действует от имени Саши. Он принёс это, — мама снова показывает кивком на бумагу. — У самого, видно, не хватило смелости явиться и вручить нам её лично.

Забираю из её рук лист и начинаю читать:

«Извещение (уведомление) участников долевой собственности о намерении продать свою долю в праве общей собственности на квартиру постороннему лицу».

Впадаю в панику: «Я, Лебедев Александр Степанович, являюсь собственником 1/2 доли в праве общей собственности на трёхкомнатную квартиру по адресу: Москва, переулок Майский, дом 18, квартира 19, руководствуясь п. 2 ст. 250, ст. 289 Гражданского кодекса Российской Федерации и т.д., — начинаю нервно хватать воздух ртом и тяжело дышать, — настоящим извещаю участников долевой собственности о намерении продать свою долю в праве общей собственности на указанную квартиру постороннему лицу в течение шестидесяти календарных дней по цене 8 (восемь) миллионов рублей»...

На мгновение задумываюсь о цифрах. В голове такой бардак, что даже не сразу понимаю, что шестидесять календарных дней — это два месяца.

Мама смотрит на меня и вытирает слёзы.

Понимаю, что это ещё не всё, и снова опускаю глаза на строчки:

«Если остальные участники долевой собственности не приобретут продаваемую долю в праве собственности указанной квартиры в течение шестидесяти календарных дней со дня

извещения, продавец вправе продать свою долю любому лицу. В случае если все остальные участники долевой собственности в письменной форме откажутся от реализации преимущественного права покупки продаваемой доли, такая доля может быть продана постороннему лицу ранее указанных сроков».

— Мама... — теперь я поднимаю на неё растерянный взгляд. — Это... Это...

Я даже выговорить вслух не могу, что я поняла из этих строк. Они настолько страшны для моего понимания, что мне становится трудно дышать.

— Я так ждала тебя, доченька. Думала, вдруг ошибаюсь, что-то не так поняла. Я всё верно поняла? Да? Он требует долю в квартире?

Я молча смотрю на документ, не в силах поверить в происходящее. Значит, Саша действительно говорил серьёзно, когда расспрашивал, сколько стоит эта квартира. Это не было ни глупой шуткой, ни пустой угрозой.

— Я не представляю, что теперь делать. Как нам быть, Даша?! — мама заходится в плаче и обхватывает меня за плечи, будто надеется найти во мне опору. — У нас и без того ничего не осталось. Ещё и долги... Как мы будем жить дальше?

— Мамочка, пожалуйста, успокойся, — прошу я, стараясь говорить ровно, но предательская дрожь в голосе выдаёт мой страх.

— Я во всём виновата! И перед тобой виновата больше всего! — рыдает она. — Это я совершила ужасную ошибку, когда согласилась оформить его кредит на себя. А расплачиваться за неё теперь приходится тебе. Так не должно быть! Почему всё настолько несправедливо?

Я снова не нахожусь, что ответить на её вопрос, потому что я сама не понимаю, как нам выбраться из этого кошмара.

Раньше мне казалось, что кредит — худшее из того, что могло с нами случиться. Но теперь же становится очевидно: по сравнению с новыми проблемами он был ерундой.

— Мама, пожалуйста, перестань плакать, — снова прошу я. — Слезами мы ничего не исправим. Раз уж всё так обернулось, продадим эту квартиру и купим жильё поменьше. Из оставшихся денег погасим долг. А дальше... Дальше переедем и спрячемся от него. Москва огромная — Саша нас не найдёт.

— И как мы будем вдвоём ютиться в однокомнатной квартире? Разве это жизнь? — кажется, мама не согласна с моим предложением, но у неё нет выбора. Ей всё равно придётся принять то, что ей предложил представитель моего брата.

— Я не знаю. Но постоянно бояться приставов и коллекторов — всё равно не жизнь. Я устала от этого.

Усталость сплетается во мне с такой неистовой злостью, что, появившись брат сейчас передо мной, я, кажется, не смогла бы сдержаться и вцепилась бы ему в горло.

Я ненавижу его настолько, насколько можно ненавидеть самого лютого врага.

Трясущими пальцами набираю его номер телефона. «Абонент временно недоступен».

Ничего удивительного. Теперь он, вероятно, будет избегать встреч с нами и разговаривать только через адвокатов.

Зачем я ему позвонила, не понимаю сама.

Наверное, это была отчаянная попытка ухватиться за последнюю надежду достучаться до него.

Хотелось дождаться ответа и закричать в трубку: «Ты уже отнял у нас всё! Оставь хотя бы дом, в котором мы живём!»

Глядя на плачущую маму, чувствуя полное опустошение внутри, теперь, мне кажется, будто я стремительно падаю в бездну. Чувство безысходности и одиночества накрывает с головой.

Желая обрести хоть какую-то опору под ногами, я сразу вспоминаю о Максиме.

Нет, дело вовсе не в деньгах. Я никогда не стану просить его о материальной помощи и даже не позволю себе заговорить об этом.

Мне нужно совсем другое. Мне отчаяннее всего нужны сильные руки на моём теле, его взгляд, губы и объятия.

Я хочу попробовать, как это, когда любимый человек прижимает тебя к себе и тихо обещает, что всё обязательно наладится.

Конечно, я не питаю напрасных иллюзий и понимаю, что само собой ничего не исправится. Но хотя бы ненадолго мне хочется поверить в эти слова и почувствовать, что я больше не одна.

Глава 18

МАКСИМ

Даша позвонила через несколько часов после того, как мы расстались. Попросила назвать мой адрес, а вскоре без предупреждения появилась на пороге.

До этого я намеренно не приглашал её к себе. Старался держать Дашу подальше от своего дома, потому что слишком хорошо представлял, чем мог закончиться её визит ко мне.

Я опасался того, что могу потерять контроль и перейти черту, после которой уже ничего нельзя будет изменить.

Но сегодня, услышав по телефону вопрос об адресе, ответил машинально, а о возможных последствиях задумался лишь теперь, когда Даша стояла передо мной.

— Что-то произошло? — спрашиваю, внимательно всматриваясь в её побледневшее лицо. — Ты сама на себя непохожа.

Я отступаю в сторону, пропуская её, но Даша продолжает нерешительно топтаться на пороге.

Кажется, только сейчас она начала сомневаться, стоило ли вообще звонить мне и приезжать сюда.

— Произошло, — наконец признаётся она и входит в дом.

— Хочешь рассказать?

— Нет... Наверное, не хочу. В этом всё равно нет смысла. Ты ничем не сможешь мне помочь, — несмело отвечает она.

Замечаю, что у Даши заплаканное лицо.

Не успеваю спросить, что случилось, когда Даша делает шаг ко мне, обхватывает меня руками и прячет лицо на груди.

— Обними меня, — тихо шепчет мне.

Я выполняю её просьбу, но делаю это с такой неохотой, что она тут же замечает это.

— Прости, — сразу вырывается из объятий. — Я... Я, наверное, пойду.

Она не успевает сделать шаг к двери, когда я преграждаю ей путь.

— Прекрати.

— Я просто хотела, чтобы ты меня обнял, — начинает снова плакать. — Я не подумала о том, что тебе это может быть неприятно.

Неприятно? Если бы она только знала, какое удовольствие мне доставляет её близость... Но я намеренно сдерживаю себя, избегая лишних прикосновений и нежности. С каждой встречей сохранять самообладание становится всё сложнее.

Моя выдержка не бесконечна. Каждая ласка, которую я ей позволяю, невольно требует более страстного продолжения — такого, на которое я пока не решаюсь.

Поэтому мне приходится постоянно останавливаться у той границы, которую я сам установил для наших встреч.

— Не придумывай того, чего нет.

— Хорошо. Давай просто немного посидим, и я уйду, — едва слышно просит она.

— Ты голодная? — спрашиваю, стараясь хоть чем-нибудь её отвлечь.

Открываю холодильник и достаю всё, что нахожу: сыр, мясной рулет и банку оливок.

— Нет, нет, спасибо, кушать не хочу.

— Чай? — проявляю вежливость.

— Нет, не хочу.

— Кофе? — продолжаю перечислять возможные варианты угощения. — Шампанского?

— Нет, ничего хочу. Ты живёшь один? — голос дрожит, и я вижу, как Дана теперь сама пытается переключить внимание со своей персоны на моё жильё.

— Да.

— А родители? Ты один у них? — Наконец-то! Как я ждал этого разговора о наших семьях!

— У меня есть сестра. Я, кажется, говорил.

— Что-то припоминаю, — хмурится, пытаюсь вспомнить. — Но ты был не шибко разговорчив о семье.

— Как и ты, — пытаюсь отшутиться, но она не улыбается.

Даша чем-то расстроена, это трудно не заметить.

Нарушая собственные запреты, сажусь рядом с ней и приобнимаю её за плечи.

Она поднимает на меня глаза, и я замечаю в них безграничную благодарность за это простое действие.

— Даш, откройся мне. Тебя кто-то обидел? Я могу помочь? — следом беру её руку и переплетаю наши пальцы.

Она несмело кивает, но имя обидчика вслух не говорит.

— Назови его имя. Какого ублюдка удавить, из-за которого ты так расстроена?

Она тихо смеётся, а я ловлю себя на мысли, что мне очень тяжело смотреть на то, как ей плохо.

— Не связывайся.

— И всё-таки... — настаиваю на её откровениях.

— Мои проблемы из-за брата... — а вот это уже интересно. Это он, что ли, её так расстроил?

— Поругалась с ним? — предполагаю, и она спешно кивает.

Вот, значит, как... Объявился, значит. А я снова упустил.

Злюсь, хотя понимаю, что я не могу сидеть и пасти его сутками напролёт.

Но как ребятам его упустили, не понимаю...

В голову приходит отчаянная мысль: несмотря на то, что Даша расстроена, я должен её поговорить.

Возможно, она даст мне хоть какую-то зацепку, чтобы выйти на него.

— А, это! Ну это ерунда! — Начинаю непринуждённо. — Все в семье бранятся и мирятся.

— Думаешь? — спрашивает она меня с недоверием.

— Ну, конечно. Сегодня поссорились, завтра. Я тоже на сестру иногда очень злюсь. Прибить охота, но сдерживаюсь, — улыбаюсь, пытаюсь вызвать её ответную улыбку, но понимаю, что главное — не переборщить, изображая беспечность.

— Это не про нас с Сашей, — отрицательно крутит головой.

— А что так? Вы не близки?

— Макс, и всё-таки я не хочу говорить об этом. — Даша встаёт с дивана и отходит к окну. — Пожалуйста, не нужно. Только не сегодня. У нас сложные отношения. Очень сложные. Всего рассказать не могу, а не рассказав всё, боюсь, не поймёшь. Или поймёшь, но неправильно.

Нет, всё-таки Даша ничего полезного мне не скажет. Теперь я понимаю это совершенно точно.

Как только мы касаемся чего-то более глубокого, она всегда ускользает от меня, не желая откровенничать.

Вот и сейчас я был готов её слушать, но она опять закрывается от меня.

— Чем я могу помочь?

— Ничем. Там денежный вопрос.

— Расскажешь?

— Нет. Это тоже нет. Ты просто обними меня сейчас. Хорошо?

На это ничего не отвечаю.

Деньги... Я снова пытаюсь разобраться в происходящем, но яснее не становится. Сначала Даша говорила о брате, а затем разговор внезапно коснулся финансов.

И тут в голову закрадывается неприятное подозрение: а вдруг они действуют сообща, просто каждый выбрал свой способ? Он добивается желаемого напором, а она рассчитывает вызвать жалость.

От этих мыслей я окончательно запутываюсь и начинаю злиться.

И всё же, какие бы сомнения меня ни терзали, смотреть на её страдания я не в силах. Мне и самому отчаянно хочется успокоить её, подарить хотя бы немного тепла.

Следом за ней встаю с дивана и подхожу ближе.

Даша поднимает на меня ожидающий взгляд, и вместо ответа я целую её. Я чувствую: именно этого она сейчас хочет.

Она отвечает. Сразу, без всякого сомнения.

— Спасибо, — шепчет мне в губы.

— За что? — шепчу в ответ, продолжая держать её лицо в ладонях.

— За это. Не отпускай меня сейчас, ладно? Просто будь со мной.

Киваю, продолжая борьбу с самим собой. Понимаю, что проигрываю своему желанию и прекращаю сопротивляться тому, что всё равно рано или поздно, но случиться.

Опять смакую её губы и а затем перехожу на шею.

И снова в голове вспыхивает одна и та же мысль: «Не нужно было ей приезжать.»

Я ведь намеренно избегал подобных ситуаций. Но она, словно испытывая моё терпение тянет меня туда, где потом ей будет очень больно.

И я даже не про физическую боль. Я о её чувствах.

Ведь я не планирую с ней в ближайшее время никаких отношений. Сначала я намерен уничтожить её брата.

Но всё это будет потом... Не сейчас... Не в эту минуту, когда она смотрит на меня так доверчиво.

— Не пожалеешь? — спрашиваю последний раз, пристально глядя ей в глаза.

— Нет, — уверенно отвечает Даша.

От этого короткого признания и разрешения действовать окончательно теряю голову.

Меня захлёстывает неистовое желание быть с ней, прижимать к себе, любить до полного беспамятства.

Провожу ладонью по её щеке и медленно опускаю руку ниже. Даша едва слышно вздыхает, но не отстраняется.

— Даша... — шепчу у самого её виска, продолжая осторожно касаться её. — Я хочу тебя. Если ты сейчас меня не остановишь, боюсь, будет поздно.

Вместо ответа она поднимает лицо и выдыхает прямо в мои губы «сделай меня своей».

После этих слов здравый смысл, ответственность, сомнения — всё мгновенно отступает на задний план.

Мне становится безразлично, как мы станем разбираться с последствиями. Сейчас существуем только мы двое: я и она, девушка Даша, которая хочет этой близости не меньше меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.